
СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Периодическое научное издание

Основано в 2009 г.

Том 11, № 6, 2019

Главный редактор – **Т.А. Магсумов**

Зам. главного редактора – **Н.П. Копцева, И.В. Корнилова, Ф.Х. Тарасова**

Шеф-редактор – **Максимов Я.А.**

Выпускающие редакторы – **Доценко Д.В., Максимова Н.А.**

Корректор – **Зливко С.Д.**

Компьютерная верстка, дизайн – **Орлов Р.В.**

Технический редактор, администратор сайта – **Бяков Ю.В.**

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Printed Scientific Periodical Edition

Founded in 2009

Volume 11, Number 6, 2019

Editor-in-Chief – **T.A. Magsumov**

Deputy Editors – **N.P. Koptseva, I.V. Kornilova, F.H. Tarasova**

Chief Editor – **Ya.A. Maksimov**

Managing Editors – **D.V. Dotsenko, N.A. Maksimova**

Language Editor – **S.D. Zlivko**

Design and Layout – **R.V. Orlov**

Support Contact – **Yu.V. Byakov**

Красноярск, 2019

Научно-Инновационный Центр

Красноярск, 2019

Science and Innovation Center Publishing House

12+

Современные исследования социальных проблем, Том 11, № 6, 2019, 140 с.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство ПИ № ФС 77-39176 от 17.03.2010) и Международным центром ISSN (ISSN 2077-1770).

Журнал выходит четыре раза в год

На основании заключения Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России журнал включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал представлен в полнотекстовом формате в Научной электронной библиотеке в целях создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). ИФ РИНЦ 2016 = 0,601.

Адрес редакции, издателя и для корреспонденции:

660127, г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Подписной индекс в каталогах «Пресса России» – 94088, «СИБ-Пресса» – 94088

Учредитель и издатель:

Издательство ООО «Научно-инновационный центр»

Science and Innovation Center Publishing House

Modern Studies of Social Issues, Volume 11, Number 6, 2019, 140 p.

The edition is registered (certificate of registry PE № FS 77-39176) by the Federal Service of Intercommunication and Mass Media Control and by the International center ISSN (ISSN 2077-1770).

The journal is published 4 times per year

All manuscripts submitted are subject to double-blind review.

The journal is included in the Reviewing journal and Data base of the RISATI RAS. Information about the journal issues is presented in the RISATI RAS catalogue and accessible online on the Electronic Scientific Library site in full format, in order to create Russian Science Citation Index (RSCI). The journal has got a RSCI impact-factor (IF RSCI). IF RSCI 2016 = 0,601.

Address for correspondence:

9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk, 660127, Russian Federation

E-mail: sisp@nkras.ru

www.soc-journal.ru

Subscription index in the General catalog «The Russian Press» – 94088,

«SIB-Press» – 94088

Published by Science and Innovation Center Publishing House

Свободная цена

© Научно-инновационный центр, 2019

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав. кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратов-

ский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры литературной критики факультета журналистики Института масс-медиа, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение

науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Доценко Дмитрий Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А.Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИИГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБУН Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государствен-

ное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская орден Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдумановна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия» (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department

of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Literary Criticism, Journalism Faculty, Institute of Mass Media, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dmitry V. Dotsenko – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Assistant Professor of the Department of Foreign and Russian Languages, The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg state university of communication (St. Petersburg, Russian Federation)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Political Science, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-6-14-36

УДК 101.1

**ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ БУДУЩЕГО РОССИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ***Желтикова И.В.*

Цель. Целью статьи является разработка и апробация новой методологии изучения визуальных образов будущего современной России.

Материалы. В качестве данных для анализа в статье используются видео-проекты конкурса “Образы будущего России”, состоявшегося в мае 2019 года в Орловском государственном университете.

Методы исследования. Автор демонстрирует функционирование комплексной методологии визуальных исследований, позволяющей проводить анализ видеороликов, клипов, презентаций, слайд-шоу. Ее применение раскрывает смысл визуального текста не только через анализ его содержания, но и форму выражения.

Результаты. В результате анализа в визуальных образах будущего было выделено три уровня трансляции смыслов. Первый уровень, непосредственно связанный с сюжетом, демонстрирует ожидание быстрого роста IT технологий, роботизации, социального напряжения, доминирование техносферы и обострение экологических проблем. Второй уровень представлен особенностью построения видеоряда. Он обнаруживает активное использование образов прошлого при изображении будущего, показывает, что визуальный ряд может как усиливать смыслы, транслируемые при помощи диалогов героев или закадрового текста, так и создавать с ними контраст.

На третьем уровне исследования сочетание различных средств передачи информации – цвета и света в построении кадров, музыкального сопровождения и характер звукового ряда способствует созданию у зрителя определенного настроения – тревоги, растерянности, опасения, безнадежности, оптимизма или иронии.

Область применения результатов. *Предложенная методология визуальных исследований может найти применение при изучении кинематографа, рекламы, моды с позиции их функционирования в социуме, способствовать выявлению всего комплекса транслируемых смыслов.*

Ключевые слова: *методология визуальных исследований; образ будущего; будущее современной России.*

FEATURES OF VISUAL REPRESENTATION OF THE FUTURE OF RUSSIA: METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY

Zheltikova I.V.

Purpose. *The purpose of the paper is to determine the methodology of studying the images of the future of contemporary Russia.*

Materials. *As empirical data, the article uses the materials submitted to the contest of video projects “Images of the future of Russia”, which took place in May 2019 at the Orel State University*

Research methods. *The author demonstrates the functioning of a complex methodology of visual research, which allows to analyze videos, clips, presentations, slide shows. The application of this technique reveals the meaning of the visual text not only through the analysis of its content, but also through the form of its expression.*

Results. *As a result of the research three levels of meanings were identified in visual images. The first level is directly related to the plot. It demonstrates the expectation of the rapid growth of IT technologies, robotics, social differentiation and social tension, the dominance of the technosphere over the biosphere and the aggravation of environmental problems. The second*

level consists in the construction of the video series. It finds the active use of images of the past when portraying the future and it shows that the visuality can both enhance the meanings transmitted through the dialogue of heroes or voiceover text, and create a contrast with them. The third level is formed by a combination of various means of transmitting information – color and light, frame construction motion picture, musical accompaniment and the nature of the sound range. This creates a certain mood in the viewer – anxiety, confusion, fear, hopelessness, optimism or irony.

Practical implications. *The proposed methodology of visual research can find application in the study of cinema, advertising, fashion from the position of their functioning in society, to help identify the whole complex of translated meanings.*

Keywords: *methodology of visual research; image of the future; the future of contemporary Russia.*

Введение

Эта статья является одним из этапов в исследовании будущего, направленном на выявление и анализ образов будущего. Исследование будущего – научная область, объектом которой выступают представления о еще не наступивших, но вероятных событиях. Эта область объединяет всю совокупность исследований, изучающих индивидуальные и коллективные ожидания, проекты, расчеты, фантазии, страхи и надежды по поводу будущего. Образ будущего понимается нами как целостная картина перспективной жизни социума, разделяемая большими социальными группами. Изучение образов будущего позволяет добавить дополнительные позиции в анализ социальной реальности настоящего, оценку обществом присутствующих в его настоящем тенденций, ценностных установок, желаний и опасений современников.

Изучение образов будущего касается, в том числе, предвидения, которое связывает настоящее и будущее. Эти исследования моделируют образы возможных, вероятных и предпочтительных вариантов будущего и путей к такому будущему. Вопросы, которые адресует ученый будущему, зависят от его специализации. В области эконо-

мики, демографии, природопользования прогнозирование направлено на установление точной событийной последовательности того или иного момента в будущем, такие исследования могут быть отнесены к футурологии. Изучая политику, культуру, социальные отношения, ученые ориентируются на определение спектра возможных сценариев будущего и выделение из них наиболее вероятных, эту интенцию можно отнести к исследованиям будущего.

Особенностью нашего подхода к исследованию будущего является то, что его целью выступает выделение не индивидуальных представлений перспективы, а тех ожиданий, которые связывают с будущим большие социальные группы, вплоть до общества в целом. В этой статье, на примере исследования 10 конкурсных проектов, мы хотим показать возможность перехода от исследования представлений о будущем отдельных авторов к установлению общих моментов в видении будущего.

Один из интересующих нас аспектов в исследовании образов будущего – это его визуальные репрезентации. Если образы будущего пока еще слабо исследованы в мире и практически не исследованы в нашей стране, то визуальные образы будущего вовсе не рассматриваются в качестве объекта системного анализа. В одной из своих работ мы уже обращались к изучению результатов визуализации представлений о будущем, исследуя образы будущего в кинофильмах, открытках, книжных иллюстрациях, комиксах. На данный момент существует несколько альтернативных методик исследования образов будущего, в том числе и предложенный нами комплексный гуманитарный анализ. Визуальные исследования развиваются пока на уровне методологических установок, функциональная же методология анализа визуальных образов должна быть подобрана под конкретный материал и определяться задачами исследования. Целью данной статьи является разработка и апробация методологии изучения визуальных образов будущего. Среди стоящих перед нами задач следует назвать апробацию применительно к визуальным образам будущего трехуровневой методологии визуальных исследований, выделение содержательных особенностей в видении

будущего России, анализ особенностей визуальной репрезентации образов будущего современной России и визуальных образов будущего как таковых.

Исследовательские материалы и методы

Получение исследовательских материалов

Для получения относительно простых материалов, позволяющих осуществить анализ визуальных образов будущего, мы организовали и провели в рамках семинара «Будущее сегодня» (функционирующего при поддержке РФФИ) конкурс видеопроектов. Конкурс проходил на базе Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. В нем могли принять участие учащиеся всех ступеней образования (кроме докторантуры), не закончившие обучение на момент начала конкурса. Видеопроекты могли быть как индивидуальными, так и коллективными. Основным условием участия было представление динамического видеоряда, посвященного будущему России, продолжительностью от 1 до 10 минут, составленного на основании обобщения данных одного или нескольких современных источников информации: социальных сетей, блогов, интернет-каналов, сетевых изданий, электронных журналов, игр, мемов, граффити, музыка, рекламы, кинофильмов и мультипликационные фильмы и т.п. Подготовительный этап конкурса продолжался с 11 февраля по 14 апреля, в общей сложности на него было подано 10 проектов, среди которых были 4 короткометражных фильма, 3 слайд-шоу, 3 презентации. После предварительного просмотра в финал вышли 5 проектов. Участниками конкурса стали студенты ОГУ имени И.С. Тургенева и учащиеся орловских школ. Итоги конкурса подведены 27 апреля после просмотра проектов-финалистов общим голосованием участников семинара (43 человека). Оригинальные видео-ролики, представленные на конкурс, можно посмотреть на сайте семинара «Будущее сегодня» <https://sites.google.com/site/ingazheltikova/home/budusee-segodna---naucnyj-seminar-prepodavatelej-i-studentov>

Выбор такого способа получения исследовательского материала объяснялся несколькими соображениями. Во-первых, были полу-

чены относительно короткие видеоролики, удобные для апробации предлагаемой нами методологии анализа. Во-вторых, содержание визуальных образов будущего при таких условиях конкурса уже должно было находиться на уровне общения, так как задание предполагало выражение не личных представлений, а общих, включая ссылки на используемые источники информации. Некоммерческий формат видеопроектов крайне важен для минимизации культурных и социальных стереотипов, присутствующих в образах будущего. Наконец, нам хотелось дать выход творческому самовыражению участников, связанному с оптимистическим или пессимистическим отношением к перспективе.

Методы исследования визуальных образов будущего

Среди существующих методов визуальных исследований можно выделить феноменологический (М.Ж. Мондзен [22], Ж.-Л. Марион [9], Т. Митчелл [21], Н. Брайсон [17]), семиотический (М. Шапиро [13]), структуралистский (Т.Дж. Кларк [19], Н. Брайсон [18], Г. Полок [11]), постструктуралистский (М. Фуко [12], Ж. Лакан [8], Г. Дебор [5], Ж. Делез [6], П. де Манн [4]) и конструктивистский (П. Бурдые [16]) комплексы методов. Каждый из них, при всем разнообразии подходов отдельных авторов, отличается достаточно общей исходной установкой исследования. Так, методы, связанные с феноменологическими установками в исследовании визуальных образов, исходят из того, что визуальный образ не транслирует информацию и не изображает что-либо, посредством образа зритель получает отсылку к смыслам, позволяющим или не позволяющим ему понять нечто. Важным здесь является и интенция зрителя, его взаимоотношение с видимым объектом как с образом. Семиотическое направление в методологии визуальных исследований сосредотачивает внимание на знаковой природе образа, на его способности нести смыслы, отличные от изображаемых. В них уделяется внимание трактовке визуальных символов, ассоциаций, отсылок в репрезентации идеологических установок. Методы изучения визуального, объединенные конструктивистской методологией,

ориентированы на выявлении механизма формирования образа из фрагментов реальности, фантазии, уже существующих образов. Их сторонники стремятся выявить в архетипах, стереотипах, мифологемах тот исходный принцип, по которому осуществляется конструирование визуальных образов, найти базовый план имманенции, лежащий в основе возникновения социально значимого образа.

Отталкиваясь от этих общих установок методологии визуальных исследований, мы попытаемся предложить конкретный набор приемов, позволяющих рассматривать визуальные образы будущего на уровне непосредственно воспринимаемого их содержания, неслучайности формы его выражения и комплексности функционирования в сложном образе визуальных, когнитивных, аудиальных и символических пластов.

Мы предлагаем опробовать трёхуровневую методику изучения видеоматериалов, которая позволит составить развернутую характеристику изучаемого образа будущего путем ответов и уточнения ответов на следующие вопросы: Что, по мнению авторов видеоролика, произойдет в будущем? Как предполагаемое будущее связано с настоящим? Оптимизм или пессимизм внушает будущее? Возможно ли повлиять на будущее – активность или пассивность по отношению к нему? Сходные параметры характеристик образов будущего использовал сам автор концепта «образ будущего» Фред Полак [23], в той ли иной степени их применяют и другие современные исследователи [15; 20].

Изучение визуальных образов мы разделили на три уровня, на каждом из которых предлагаем ответы на перечисленные выше вопросы, используя те или иные стороны визуального материала.

На первом уровне (VI) происходит рассмотрение сюжета видеоролика, его героев, происходящих событий, диалогов, раскрывающих содержание произведения. Изучение происходит с использованием структуралистского анализа (Н. Брайсона [18, р. 156–170], Г. Полок [11, с. 220–238]), конструктивистского анализа (П. Бурдьё [16, р. 20–30]), анализа бытования внехудожественных текстов (А.В. Дроздова).

Второй уровень (У2) обращается к анализу визуального ряда видеоролика с учетом построения планов, способа и частоты их смены, степени динамичности видеоряда, присутствия и характера спецэффектов, цветовой и световой гаммы. Общие исследовательские установки заимствуются из семиотического анализа (П.П. Пазолини, Р. Барта [2]), психоаналитического подхода к кинематографу (З. Фрейда, К. Юнга [14, с. 14–36], Х. Мюнстерберга, К. Метца [10, с. 205–230]).

Третий уровень (У3) предполагает изучение синтетической природы образов, позволяющее выявить смыслы, транслируемые совокупностью художественных средств: символической составляющей визуального ряда, шумовым и музыкальным сопровождением. Используются приемы и методы «теоретической критики» (А. Базен [17]), структурного метода (Ж. Бодрийяр [3, с. 16–60]), функционального метода (Ж. Делез [6]), эвристической аналогии (Ж. Деррида [7]).

Апробация методологии анализа визуальных образов будущего *Обзор эмпирических данных*

В результате применения описанной методологии получается достаточно обширный аналитический материал, который не может в полном объеме быть представленным в статье. В то же время основной нашей задачей здесь является демонстрация методологии исследования. Для разрешения этого противоречия мы предложим читателю полный анализ двух видеороликов-победителей, сводную таблицу обобщения аналитических данных пяти визуальных материалов, вышедших в финал, и итоговые выводы на основании изучения всех эмпирических данных.

Рассмотрим на двух примерах подробный анализ визуальных материалов в соответствии с описанными выше методами.

*«Мы сами строим свое будущее» –
коллективный проект-победитель конкурса*

(У1) В сюжете два действующие лица – герой-брюзга, недовольный настоящим, и Вергилий – проводник «путешественников, за-

блудившихся в знаках». После сетований на неудовлетворенность настоящим – «Такую страну развалили!», – герой засыпает и оказывается в параллельной реальности, где, встретившись с Вергилием, скептически слушает его уверения, что у России есть будущее, поскольку она богата талантливыми людьми, а Интернет и IT-технологии позволяют им самореализоваться на пользу Родине.

На этом уровне мы получаем следующие ответы на ключевые четыре вопроса. Ответ на вопрос «что произойдет в будущем?» принципиально не дается, так как оно зависит от наших современников. Будущее связано с настоящим современными технологиями и талантливыми людьми, которые с их помощью могут самореализоваться на пользу стране. Два героя демонстрируют противоположные чувства по отношению к будущему – скептицизм и оптимизм. На будущее можно повлиять, если проявить должную активность.

(У2) Основной видеоряд ролика цветной и достаточно статичный, включает смену крупных и общих планов главных героев. Действие разворачивается на городской набережной. Большинство планов ориентированы так, что слева от героев река, справа возвышенный берег, на нем здание 19 века в псевдорусском стиле, в удалении сквозь деревья виднеется купол церкви. С другой точки сняты кадры с речью Вергилия, на них река справа, на заднем плане – мост.

В видеоряде присутствует большое количество ретро-образов – постройки 19 века, церковь, мост в стиле модерн, что подчеркивает связь будущего не столько с настоящим, сколько с прошлым. Создаваемые видеообразы яркие, красочны, в целом позитивны и свидетельствуют об оптимистичном настрое авторов по отношению к будущему. Уверенность в возможности активного отношения к будущему следует из смены относительно статичных кадров разговора героев динамичной картинкой их движения в финале. Зритель видит их со спины, то есть двигающимися вперед, к будущему.

(У3) Две пятых ролика занимает изображение героя, пьющего кефир и сосущего конфету на палочке «Чупа-чупс», выступающих символическим замещением алкоголя и сигарет. Пятая часть ро-

лика – это финальная прогулка героев под куплет песни «Юность в сапогах» группы «Конец фильма». Реальность и альтернативная реальность (сон, галлюцинации?) разделены 30 секундным спецэффектом, в котором трансформируются, перетекая друг в друга, статичные изображения – панельной многоэтажки, настенного ковра 70-х годов 20 века, телевизионной настроечной таблицы, бетонного забора. На последние 30 секунд изображения с уходящими героями становится черно-белым, звучат слова песни: «Не вернется время вспять, / Не к лицу нам унывать. / Оседает, как песок, / Время пылью от сапог. / Когда придет пора / Сказать: “Домой пора!” / Но душа твоя, как прежде, / Ждет любви, живет надеждой! / Под казенную одеждой / Сердца трепет не унять, / Как свободу не отнять». На этом фоне в центре кадра держится надпись «Люди сами строят свое будущее», и на последних 5 секундах в правом верхнем углу экрана появляется мигающая надпись мелким шрифтом «Не халтура, а постмодернизм».

На этом уровне хорошо заметна общая ирония видеоролика, ирония по поводу стереотипов курения, и употребления спиртных напитков, и запрета к их демонстрации на экране, ирония по поводу постмодернизма и его приемов, использование подчеркнута устаревших образов символизирует перенесение героя к реальности Вергилия и к разговору о будущем. Можно сказать, что видеоролик демонстрирует иронично-оптимистичное отношение к будущему с установкой на подчеркнuto активное к нему отношение.

«Будущее» - коллективный проект, занявший второе место

(VI) В сюжете недалекое будущее – около 2035 года. Два героя беседуют, сидя за столом в слабо освещенном помещении. Разговор разворачивается в двух плоскостях – событийной и экзистенциальной. Из рассказов о личной жизни героев зритель узнает о том, что ожидает Россию между нашим настоящим и упоминаемым как прошлое 2030 годом. В диалоге говорится о «Великом исходе» 2024 года, когда все руководство страны уехало за границу, оставив «дыру в бюджете и долги по кредитам». Сообщается

о службе одного из героев в армии, в которую до 2026 года принимали людей, в дальнейшем замененных роботами. Рассказывается о голоде 2028 года, наступившем из-за использования китайских удобрений, сделавших почву бесплодной, после чего в стране была разруха и война. Семья одного из героев погибла в этот период, а второй герой с женой уехал в Европу, где роботизация не вытеснила людей, «машины летают по небу, и все живут в достатке». Однако в 2030 году ООН ввела санкции и депортировало всех русских эмигрантов назад в Россию, где «роботы убирают, роботы строят, роботы преподают» и построен «зиккурат для всех». В заключение герои вспоминают, что из их школы осталось в живых только три человека.

Второй, экзистенциальный, пласт разговора возникает вне прямой зависимости от логики «рассказа о прошлом». С первой экзистенциальной зарисовки начинается видеоролик – хозяин квартиры рассказывает об умершем друге, который увидел море и после этого перестал радоваться жизни. Вторая тема поднимается гостем, когда он сообщает, что решил повеситься потому, что его «ничего не ждет в этом будущем». Центральный образ «зиккурата для всех», иллюстрирующий у рассказчика крайнюю степень иерархизации общества, переинтерпретируется хозяином дома с позиции того, что «надо жизнь любить! Кто сильнее любит жизнь, тот находится ближе к вершине зиккурата, а значит ближе к Богу». «Все мы здесь умрем, – возражает гость. – Рано или поздно. Так или иначе. Вот скажи мне, это значит, что самый последний русский человек прямо в глаза Богу будет смотреть, на самой вершине стоя?»

(У2) Видеоряд короткометражной ленты выстроен на контрасте – темный, неосвещенный фон и свет лампы, выделяющий лица героев. В изображении чувствуется явная отсылка к силуэтным изображениям. Исключение составляет последняя четверть ролика, когда лампа гаснет и изображение погружает зрителя в сумрак, в котором едва различимы лица героев. Смена планов поочередно фокусируется на участниках диалога, однако зрителю не всегда по-

казывается лицо героя, это могут быть руки, плечо, затылок.

(У3) Ролик не содержит самостоятельных символов, однако большое значение имеет соотношение текста и изображения. Так, в глубокой тени остается лицо героя, рассказывающего об эмиграции и благополучной жизни за границей и только низ кадра освещается, выделяя грудь героя и руки в татуировках. Слова другого героя, призывающего «любить жизнь» сопровождаются изображением говорящего, почти полностью отвернувшегося от камеры. Именно после высказанной мысли о том, что тот, кто сильнее любит жизнь, ближе к Богу – свет в кадре гаснет.

В темноте собирается уходить гость, так как «завтра рано вставать, чтобы идти на биржу труда для переобучения». Так же, как и в предыдущем видеоролике, статичное изображение сменяется действием в самом конце, только здесь гость уходит из неосвещенной комнаты в абсолютную темноту, со словами: «Не думал я, что в этом будущем я юродивым у роботов буду».

Рефреном проходит мысль о безнадежности будущего.

Обобщение эмпирических данных

Результаты анализа видеоматериалов, репрезентирующих образ будущего, мы предлагаем занести в таблицу, позволяющую представить краткую характеристику результатов рассмотрения их содержательного, визуального и синтетического ряда. Кроме двух рассмотренных выше короткометражных фильмов, мы включили в таблицу оставшиеся конкурсные работы, вышедшие в финал.

Таблица анализа образов будущего, представленных в видеоматериалах

<i>Параметры анализа</i>	Уровень 1 (сюжет)	Уровень 2 (видеоряд)	Уровень 3 (синтез)
<i>1. «Мы сами строим свое будущее». Короткометражный фильм</i>			
<i>Что произойдет в будущем?</i>	Нет ответа. Конкретные события не описываются	Используются ретро-образы	Неопределённость в событийном плане
<i>Как будущее связано с настоящим?</i>	Современные технологии – залог позитивного развития в будущем.	Герои движутся в будущее на фоне ретрообразов.	И над настоящим и над будущим доминирует прошлое.

Продолжение таблицы

<i>Оптимизм или пессимизм внушает будущее?</i>	Позиции пессимизма и оптимизма представлены двумя героями.	Оптимизм. Кадры яркие, светлые, пространство гармонизировано.	Оптимизм, свобода, ирония
<i>Возможно ли повлиять на будущее – активность или пассивность по отношению к нему?</i>	Да. Повлиять на будущее можно и нужно, надо только действовать.	Да. Статичный видеоряд в конце сменяется движением героев вперед.	Да, люди сами строят свое будущее
<i>2. «Будущее». Короткометражный фильм</i>			
<i>Что произойдет в будущем?</i>	Деграция и распад страны. Голод, война. Роботы вытесняют людей.	Будущее мрачно, и событийно, и экзистенциально.	Будущее беспросветно, даже хуже, чем только рассказ о нем.
<i>Как будущее связано с настоящим?</i>	Это будущее ныне живущих поколений.	Герои – это мост между эпохами.	О событиях будущего рассказывается как о прошлом героев.
<i>Оптимизм или пессимизм внушает будущее?</i>	Пессимизм	Мрачный пессимизм. Темный фон, фрагментированные планы	Безнадежность, пессимизм.
<i>Возможно ли повлиять на будущее – активность или пассивность по отношению к нему?</i>	Нет. Вопрос об изменении не ставится.	Безысходность. Полная подчиненность событиям. Уход героев в темноту. Отсутствие перспективы.	Тщетные попытки приспособления.
<i>3. «451, 1984, 2019». Короткометражный фильм</i>			
<i>Что произойдет в будущем?</i>	Один из вариантов будущего, связанный с тенденцией контроля интернета, переходящего на запрет чтения книг. Результат – мир будущего оказывается близок миру «451 градуса по Фаренгейту» Брэдбери.	Погони, преследования, аресты, обыски, сжигание книг огнеметами. Черно-белые кадры основного ролика и цветные в начале и конце.	Насыщенный визуальными картинками, звуками, закадровым стихотворным текстом, образ будущего.
<i>Как будущее связано с настоящим?</i>	Ограничение интернета в настоящем – путь к тоталитарному будущему.	Начало и конец ролика – настоящее. Негативные ожидания – один из вариантов развития событий.	Наше будущее зависит от наших сегодняшних поступков, принятия или неприятия тенденций настоящего.
<i>Оптимизм или пессимизм внушает будущее?</i>	Пессимизм, опасность.	Пессимизм по отношению к одному из вариантов развития событий.	Опасения и желание противостоять

Продолжение таблицы

<p><i>Возможно ли повлиять на будущее – активность или пассивность по отношению к нему?</i></p>	<p>Да. Сам ролик направлен на изменение тенденции, которая внушает опасения.</p>	<p>Возможно. И герои ролика, и авторы показывают необходимость противостояния негативным тенденциям</p>	<p>Активность и ответственность по отношению к будущему.</p>
<p><i>4. Будущее российского кейпмейкинга. Короткометражный фильм</i></p>			
<p><i>Что произойдет в будущем?</i></p>	<p>Через 10 лет возрастет процент населения России, владеющего английским, будут освоены новые технологии для самовыражения. Три сценария: 1. Потребительский терроризм, бурный рост информационных технологий. Развлечения с использованием нейросетей и виртуальной реальности. 2. Никого не интересуют реальные проблемы. На улицах жгут книги Тагора и Йейтса. Смотрят аниме по Капиталу Маркса. Хаос, разрозненность, отказ от прошлого. 3. Голгофа классического искусства. Новые кумиры – Коммерция, Информация и Шоу.</p>	<p>Поток информации, превышающей возможности восприятия. Калейдоскоп картинок с развлечениями. Формы без содержания. Дисгармония.</p>	<p>Избыточность образов – визуальные образы, музыка, англоязычное пение, субтитры не могут быть восприняты одновременно, сознание выхватывает произвольные фрагменты.</p>
<p><i>Как будущее связано с настоящим?</i></p>	<p>Прямое следствие сегодняшних процессов.</p>	<p>Образ будущего складывается из элементов настоящего по принципу коллажа.</p>	<p>Будущее очень вариативно, оно множественно не только на уровне возможностей, но и в своих проявлениях.</p>
<p><i>Оптимизм или пессимизм внушает будущее?</i></p>	<p>Оптимизм</p>	<p>Нельзя однозначно определить. Присутствует тревожность .</p>	<p>Растерянность, скорее позитивная.</p>

Продолжение таблицы

<i>Возможно ли повлиять на будущее – активность или пассивность по отношению к нему?</i>	Активное встраивание в будущее.	Будущее «захватывает» человека, причем в различных своих вариантах	Человек скорее пассивен перед глобальными тенденциями
<i>5. Переосмысляя будущее. Слайд-шоу с музыкальным сопровождением</i>			
<i>Что произойдет в будущем?</i>	Влияние советского наследия на конструирование городской среды. Конкурен-тоспособность российской культуры благодаря сетевым коммуникациям. Непредсказуемость политического будущего. Продолжающаяся борьба с нищетой в социальной сфере. Множественные экологические проблемы. Рост городских агломераций и вымирание деревни. Увеличение влияния сетевой культуры на социальную реальность. Возникновение не иерархизованных сфер коммуникаций и сетевой культурной идентичности. Замена армии частными военными компаниями. Роботизация создаст конкуренцию в сфере занятости, но останется инструментом в медицине, образовании, сфере развлечений. Полноценный искусственный интеллект маловероятен.	Активно используются образы городского пространства советского прошлого – плакаты, мозаики, настенные росписи, остановки. Негативные образы настоящего – разруха, бедность, свалки. Присутствуют абстрактные образы сетевой реальности. Динамика визуального ряда позволяет соотносить его с текстом и критически осмысливать.	Мажорное музыкальное сопровождение.

Окончание таблицы

<i>Как будущее связано с настоящим?</i>	Прямое следствие сегодняшних процессов.	Присутствует некоторая ирония в изображении будущего через настоящее и прошлое	
<i>Оптимизм или пессимизм внушает будущее?</i>	Нет четкого ответа	Слайды с позитивными образами доминируют	Яркие кадры в сочетании с музыкой создают скорее позитивный образ будущего
<i>Возможно ли повлиять на будущее – активность или пассивность по отношению к нему?</i>	Вопрос об изменении не ставится в принципе.	Вопрос не ставится.	Вопрос не ставится.

Выводы

Применение разработанной нами методологии анализа визуальных образов будущего позволяет различить в них три уровня транслирования смыслов: первый, непосредственно связанный с сюжетом, диалогами и происходящими событиями, второй, представленный особенностью построения видеоряда, и третий, возникающий из сочетания различных средств передачи информации. Данная методология дает возможность сопоставить смыслы, функционирующие на уровне сознания и коллективного бессознательного, в сфере визуальной репрезентации.

Обобщая содержание социальных ожиданий, выраженных в анализируемом материале, мы можем выявить ряд параметров, присутствующих в представлении будущего всех участников конкурса. К ним относятся ожидания быстрого роста IT технологий, роботизации производственной сферы, рост социальной дифференциации и социального напряжения, урбанизация и доминирование техносферы над биосферой и, как следствие, обострение экологических проблем. Будущее, представленное в видеопроектах, – это ближайшие 50 лет после сегодняшнего дня, то есть период жизни авторов. Практически всеми участниками конкурса будущее мыслится как прямое продолжение настоящего, тех тенденций, свидетелями которых они являются. Ни один из материалов не изображает будущее принципи-

ально неожиданным, реализующим какие-либо отсутствующие или не очевидные тенденции настоящего. Анализируемые работы примерно в равных долях демонстрируют пессимизм и оптимизм по отношению к будущему, но пассивность в них явно преобладает перед активностью. Будущее мыслится как объективная тенденция, практически не зависящая от усилий конкретных людей, поэтому максимум активности, предполагаемой авторами – это приспособление к тем процессам, которые ожидаются в будущем. Лишь два из десяти проектов были ориентированы на подчеркнуто активное отношение к будущему, выражали стремление влиять и изменять его.

Анализ особенностей визуальной репрезентации образов будущего России показал, что визуальный ряд может как усиливать смыслы, транслируемые при помощи диалогов героев или закадрового текста, так и создавать с ними контраст. С первым случаем соотношения слова и изображения мы встречаемся в видеофильме «451, 1984, 2019», в котором стихотворный закадровый текст сопровождает изображение. При этом видеоряд передает предполагаемые события будущего, а текст поясняет отношение к нему героев и авторов ролика. В этом случае зрительное впечатление, накладывающееся на рассказ о событиях, делает их представление более достоверным, то есть повышает реалистичность образа будущего. При контрасте текста и зрительного ряда, который мы находим в короткометражном фильме «Будущее» или слайд-шоу «Переосмысляя будущее», возникает эффект иронии, метафоры, отсылки к той или иной интерпретации передаваемого смысла.

Пожалуй, наиболее неожиданным в видеоряде анализируемых материалов было доминирование при изображении будущего образов прошлого, а не футуристических образов или образов из настоящего. Рассказ о будущем с активным использованием визуальных ретрообразов создает своеобразный мост от прошлого к будущему, минуя настоящее. На наш взгляд, такой связью будущего с прошлым можно частично объяснить высокий уровень пассивности в отношении к будущему, отмеченный нами при анализе содержания видеообразов.

Сочетание различных средств передачи информации – цвета и света в построении кадров, музыкального сопровождения и характер звукового ряда способствовало созданию у зрителя определенного настроения, отличного от простого оптимизма или пессимизма. Так, в короткометражном фильме «Мы сами строим свое будущее» чувствовалась ирония авторов по отношению к себе и зрителям. Видеоролик «Будущее» оставлял ощущение безысходности и мрачного трагизма. Фильм «451, 1984, 2019» передавал настроение борьбы, неуспокоенности, надежды на неоправданность высказанных опасений. После просмотра фильма «Будущее российского клейпмейкинга», при всем заявленном оптимизме, осталось ощущение растерянности перед будущим, впечатление дисгармонии и хаоса.

Среди отличительных черт визуальных образов будущего нам хотелось бы отметить несамостоятельность визуализации будущего и активное использование в этом процессе стереотипов и исторических архетипов. Под несамостоятельностью визуализации будущего мы имеем в виду тот факт, что в анализируемом нами материале не было ни одного случая исключительно визуальных образов. И видеофильмы, и слайд-шоу, и презентации использовали зрительный канал передачи информации либо как вторичный по отношению к словесному, либо как параллельный словесному. Изображение будущего дополняло его описание, сопровождаясь устным или письменным текстом. Скорее всего, это объясняется сложностью самой темы будущего, необходимостью вербального пояснения для уточнения увиденного.

Все материалы, используемые при анализе, содержали устойчивые культурные модели. Они могли быть непосредственно связаны с будущим: роботы, вытесняющие людей, экологические катастрофы, костры из книг, освоение космоса, виртуальная реальность, существующая наряду с исходной реальностью, – так и не связаны с будущим напрямую: Вергилий из «Божественной комедии» Данте как посредник, мост между реальностью и сверхреальностью, дорога, ведущая к Храму, русский человек, любящий выпить и «пого-

ворить за жизнь», цитаты из названий философских произведений, социальная пирамида. Мы полагаем, что активное использование стереотипов при визуальной репрезентации образов будущего объясняется стремлением авторов сделать транслируемые картины максимально узнаваемыми, близкими зрителю.

В заключение хотелось бы отметить, что подведение итогов голосования по проектам-финалистам обнаружило явное предпочтение зрительской аудитории короткометражных фильмов перед слайд-шоу. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что фильмы не просто предлагали более сложные насыщенные образы, но благодаря целостности представленных в них историй в большей мере вовлекали зрителей в изображенный мир будущего в отличие от образов слайд-шоу, в которых просто перечислялись параметры будущего, не создавая эффекта эмоциональной вовлеченности зрителя. Динамичный видеоряд, диалоги, музыкальное сопровождение очевидно делали такие картины будущего убедительнее, обеспечивая им победу при голосовании. Интересно, что при числовом превосходстве образов будущего, демонстрировавших пессимистическое и пассивное отношение к будущему, фаворитами зрительских симпатий оказались те немногие видеофильмы, в которых отражалось активное отношение к будущему, оптимистическое его восприятие.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00256 А.

Список литературы

1. Базен А. Что такое кино. М.: Искусство, 1972. 373 с.
2. Барт Р. Проблема значения в кино // Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2003. С. 195–199.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. Тула, 2013. 204 с.
4. Де Ман П. Слепота и прозрение: Статьи о риторике современной критики. СПб.: Гуманитарная академия, 2002. 255 с.
5. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 183 с.
6. Делез Ж. Кино. М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. 560 с.

7. Деррида Ж. Кино и его призраки. Интервью с Жаком Деррида // Сеанс. № 21/22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://seance.ru/n/21-22/retro-avangard-zhak-derrida/kino-i-ego-prizraki/>
8. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа. М.: Гнозис, Логос. 2004. 304 с.
9. Марион Ж. Л. Метафизика и феноменология — на смену теологии // Логос. 2011. № 3 (82). С. 124–143.
10. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.
11. Поллок Г. Видение, голос и власть: Феминистская история искусства и марксизм // Гендерная теория и искусство. Антология: 1970–2000. М.: РОССПЭН, 2005. С. 217–259.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 489 с.
13. Шапиро М. Некоторые проблемы семиотики визуального искусства. Пространство изображения и средства создания знака-образа // Искусствоведение: Методы точных наук и семиотики. М.: ЛКИ, 2007. С. 136–163.
14. Юнг К.Ю. Человек и его символы. М., 2016. 524 с.
15. Ahvenharju S., Minkkinena M., & Lalotb, F. (2018) The five dimensions of Futures Consciousness. *Futures* 104, 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.06.010>.
16. Bourdieu P. The Cult of Unity and Cultivated Differences // Bourdieu P. *Photography: A Middle-brow Art*. Oxford: Polity Press, 1998. P. 13–31.
17. Bryson N. *Vision and Painting: the Logic of the Gaze*. New Haven: Yale University Press, 1983. 192 p.
18. Bryson N. *World and Image: French Painting of the Ancien Regime*. New York: Cambridge University Press, 1981. 300 p.
19. Clark T.J. *Image of the People: Gustave Courbet and the 1848 Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1999. 208 p.
20. Kaboli S.A. & Tapio P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future

- of young adults. *Futures* 2018, (96), 32-43. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.11.004>.
21. Mitchell W. J. T. Showing seeing: a critique of visual culture // *Journal of visual culture*. 2002. Vol. 1. № 2. P. 165–181.
22. Mondzain M.-J. *Image, icone, economie: Les sources byzantines de l'imaginaire contempo-rain*. P.: Seuil, 1996. 183 p.
23. Polak F. L. *The Image of the Future*. Amsterdam: Elsevier, 1973. 320 c.

References

1. Bazen A. *Chto takoe kino* [What is a movie] M.: Art, 1972. 373 p.
2. Bart R. Problema znacheniya v kino [The Problem of Significance in Cinema]. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion System. Articles on the semiotics of culture]. M., 2003. pp. 195-199.
3. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyaciya* [Simulacra and Simulation]. Tula, 2013. 204 p.
4. De Man P. *Slepota i prozrenie: Stat'i o ritorike sovremennoj kritiki* [Blindness and Insight: Articles on the Rhetoric of Contemporary Criticism]. St. Petersburg: Humanitarian Academy, 2002. 255 p.
5. Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [Society of the play]. M.: Logos, 2000. 183 p.
6. Deleuze J. *Kino* [Cinema]. M.: Ad Marginem Press LLC, 2013. 560 p.
7. Derrida J. Kino i ego prizraki. Interv'y u s Zhakom Derrida [Cinema and its ghosts. Interview with Jacques Derrida]. *Seans* [Session]. No. 21/22. Access modea: <http://seance.ru/n/21-22/retro-avangard-zhak-derrida/kino-i-ego-prizraki/>
8. Lacan J. *Chetyre osnovnye ponyatiya psihoanaliza* [Four basic concepts of psychoanalysis]. M.: Gnosis, Logos. 2004. 304 p.
9. Marion J.L. *Metafizika i fenomenologiya – na smenu teologii* [Metaphysics and phenomenology – to replace theology]. *Logos*. 2011. No 3 (82). pp. 124–143.
10. Metz K. *Voobrazhaemoe oznachayushchee. Psihoanaliz i kino* [Imaginary signifier. Psychoanalysis and cinema]. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. 336 p.
11. Pollock G. *Videnie, golos i vlast': Feministskaya istoriya iskusstva i marksizm* [Vision, Voice and Power: The Feminist History of Art and

- Marxism]. *Gendernaya teoriya i iskusstvo. Antologiya: 1970-2000* [Gender Theory and Art. Anthology: 1970-2000]. M.: ROSSPEN, 2005. pp. 217–259.
12. Foucault M. *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and things. Archeology of the humanities]. M.: Progress, 1977. 489 p.
 13. Shapiro M. Nekotorye problemy semiotiki vizual'nogo iskusstva. Prostranstvo izobrazheniya i sredstva sozdaniya znaka-obraza [Some problems of semiotics of visual art. Image space and means of creating a sign-image]. *Iskusstvometriya: Metody tochnykh nauk i semiotiki* [Art-metry: Methods of the exact sciences and semiotics]. M.: LCI, 2007, pp. 136–163.
 14. Jung K. Yu. *Chelovek i ego simvoly* [Man and his symbols]. M., 2016. 524 p.
 15. Ahvenharjua S., Minkkinena M., & Lalotb, F. (2018) The five dimensions of Futures Consciousness. *Futures* 104, 1–13. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2018.06.010>.
 16. Bourdieu P. The Cult of Unity and Cultivated Differences // Bourdieu P. *Photography: A Middle-brow Art*. Oxford: Polity Press, 1998. P. 13-31.
 17. Bryson N. *Vision and Painting: the Logic of the Gaze*. New Haven: Yale University Press, 1983. 192 p.
 18. Bryson N. *World and Image: French Painting of the Ancien Regime*. New York: Cambridge University Press, 1981. 300 p.
 19. Clark T.J. *Image of the People: Gustave Courbet and the 1848 Revolution*. Berkeley: University of California Press, 1999. 208 p.
 20. Kaboli S.A. & Tapio P. How late-modern nomads imagine tomorrow? A Causal Layered Analysis practice to explore the images of the future of young adults. *Futures* 2018, (96), 32-43. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2017.11.004>.
 21. Mitchell W. J. T. Showing seeing: a critique of visual culture. *Journal of visual culture*. 2002. Vol. 1. № 2. P. 165–181.
 22. Mondzain M.-J. *Image, icone, economie: Les sources byzantines de l'imaginaire contempo-rain*. P.: Seuil, 1996. 183 p.
 23. Polak F. L. *The Image of the Future*. Amsterdam: Elsevier, 1973. 320 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Желтикова Инга Владиславовна, кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры философии и культурологии
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева
ул. Комсомольская, 95, г. Орёл, Орловская обл., 302026, Рос-
сийская Федерация
inga.zheltikova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Zheltikova Inga Vladislavovna, Candidate of Philosophy, Associate
Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy
and Cultural Studies
Oryol State University
95, Komsomolskaya Str., Oryol, 302026, Russian Federation
inga.zheltikova@gmail.com

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-6-37-54

УДК 572.029.7.01

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ВКУСА В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Верховцева Ю.А.

Цель. Исследовать понимание вкуса в антропологическом дискурсе. Раскрыть основания вкусовых предпочтений поздней античности, выявить предпосылки эстетического вкуса в учениях древних греков, таких как: Плотин, Прока, Лактанций, Юстин, раннее христианство.

Методы и методология проведения работы. Основа методологической базы в работе образуют реконструкция историко-генетического подхода, гносеологический и аксиологический методы.

Результаты. Результаты работы заключаются в непрекращающемся поиском эстетической категории вкуса, а также духовным кризисом современного общества. И именно в античном мире были заложены основы эстетического восприятия людей, вещей и явлений. Научная новизна исследования заключается в переосмыслении эстетического восприятия вкуса в период поздней античности. Показано отношение к феномену красоты разных философских школ и направлений поздней античности. Также дается представление о ранней вехе эстетического вкуса в сравнении с более ранними античными воззрениями. Ближе к окончанию эпохи эстетические предпочтения были во многом обусловлены молодой христианской религией.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены в сфере философии и культурологии.

Ключевые слова: вкус; эстетика; поздняя античность; красота; прекрасное; кинизм; неоплатонизм; раннее христианство.

ANTHROPOLOGICAL UNDERSTANDING OF TASTE IN THE LATE ANTIQUITY

Verkhovtseva Y.A.

Purpose. *The study is to understand taste in anthropological discourse. The relevance of the foundations of taste preferences of late antiquity. To reveal of the premises of aesthetic taste in the teachings of the ancient Greeks: Plotinus, Proclus, Lactantius, Justin, early christianity.*

Methodology. *The basis of the methodological base in the work is the reconstruction of the historical-genetic approach, epistemological and axiological methods.*

Results. *The results of the study are that the by the ongoing search for this aesthetic category, as well as the spiritual crisis of modern society. And it was in the ancient world that the foundations of the aesthetic perception of people, things or phenomena were laid. The scientific novelty of the study is to enrich the theme of aesthetic perception of taste in the late antiquity. The relation to the beauty phenomenon of various philosophical schools and directions of late antiquity is shown. It also gives an idea of the early milestone of aesthetic tastes in comparison with earlier antique views. Toward the end of the era, aesthetic preferences were largely driven by the young Christian religion*

Keywords: *taste; aesthetics; late antiquity; beauty; beautiful; kinism; Neoplatonism; early christianity.*

Античность считается классической эпохой человечества, истоком мировой и европейской цивилизации и культуры. Именно в названую эпоху человек активно познавал окружающий мир. В связи с этим возникали идеи, получившие свое дальнейшее развитие в последующие века европейской истории – идеи соразмерного и разумного общественного устройства, гармонии природы и человека, эстетические представления. И даже более того – в полном смысле этого слова античность можно назвать первоосновой дальнейшего процесса эволюции европейского общества [9, с. 21].

Одним из вопросов философии поздней античности стал вопрос источников и норм вкуса. Вкус – это способность индивида к оценке различных эстетических свойств. Прежде всего, это касается поиска различий между безобразным, прекрасным и красивым [2, с. 143].

В качестве основы этой проблематики в эпоху античности выступала дилемма: нечто будет прекрасным, потому что нравится человеку? Или, наоборот, оно нравится человеку, потому что прекрасно само по себе? Другими словами: прекрасное творит сам художник, или открывает прекрасное в вещах? Актуальность этого вопроса сохраняется до сих пор, поскольку человек продолжает поиски понимания вкуса через призму антропологии. И именно античный мир способен приоткрыть завесу этой тайны. В связи с этим обуславливается переосмыслении категории вкуса во время поздней античности, а также понимание эстетических предпочтений в кругах наиболее авторитетных философских школ.

В эпоху античности в роли прекрасного могли выступать не только явления и предметы, имеющие воздействие на органы чувств и приносящие чувство удовольствия, но и образы жизни, способы правления, поступки и другие стороны жизни. В течение всей античной истории термин «прекрасное» подразумевал общее понятие красоты, направленной на то, что являло собой сущность красоты – космос. Именно космическая красота считалась архетипом земной красоты: земные структуры, несущие в себе соразмерность, меру, устойчивый порядок воспроизводились в космический порядок с его мерцанием небесных тел. По этой причине земные предметы могут быть прекрасны.

Убеждение в красоте мира, онтология прекрасного оставались господствующими принципами на протяжении длительного времени. Еще в архаичном периоде существовало представление что симметрия, соразмерность, упорядоченное соотношение частей, ритм и гармония прекрасны сами по себе, сообразуются вкусом. А именно они делают прекрасными все явления и вещи, в которых присутствуют. Таким образом, красота предметов и явлений была подобна красоте геометрических фигур, она привносится в окру-

жающий нас мир числовыми сочетаниями. Следовательно, ее нельзя воспринимать чувственно. И в этом заключен парадокс: изучая истоки эстетики, формы трактовок красоты, мы имеем дело скорее не с эстетикой, а с ноэтикой (от греч. слова *noesae* — умственное познание). Однако, со временем математические представления о красоте, подразумевающие числа соразмерности визуальных форм, стал перемещаться из космического пространства в антропологические структуры [15, с. 16]. Прежде всего, это было отражено в идеях и взглядах мыслителей поздней античности.

Иной взгляд на проблему вкуса у представителей школы кинизма. При этом исследователи отмечают, что названное направление является наименее изученным и наиболее спорным в философской науке. Оценки идей кинизма характеризуются альтернативным характером. Часть исследователей заостряют внимание на антикультурном, эпатажном поведении киников, их враждебном отношении к древнегреческим ценностям и цивилизации в целом. И даже название школы этимологически связывают со словом «суоп», что означает «собака». Также название школы связывают со словами «супорес», «супеос» — «бесстыдный», «наглый». Другая же часть исследователей делают акцент на разработанной философской системе киников [14, с. 124]. И вовсе не удивительно, что при таком контрасте суждений вкусы киников являли собой довольно специфичное явление.

Так, эстетика киников заменила физическую красоту космоса духовной «естественной» красотой человека. Внешнее безобразие не только не мешало человеку, но и помогало ему проявиться. Такие вкусовые предпочтения были чужды более ранней античности. Киники же полагались не на физическое понимание красоты, а на «красоту духа». Они провозглашали примат содержания над формой. Чем настойчивее общество, в котором существует человек, доказывало ему, что он «одушевленное орудие», «служебное тело», иными словами стремилось к деперсонализации, тем более энергично индивид проявляет себя как личность, заявляет о своем духовном превосходстве над обществом.

Такое антропологическое и гуманистическое восприятие вкуса придерживалось классовой оценки всего прекрасного. То, что господа считали прекрасным, по мнению киников становилось некрасивым. Безобразное и прекрасное менялись местами: известный и красивый атлет, восхваляемый поэтами, становился объектом издевательств и насмешек со стороны киников. И напротив, гонимый раб Эзоп, Кратет, и Сократ, обладающие внешним уродством, выступали в роли образцов истинной красоты. Во многих моментах вкусовое восприятие киников было определено моральными требованиями. Связывая этическое с эстетическим, киники вовсе не преподносили красоту как символ нравственности. Символом вполне могло стать и внешнее безобразие [8, с. 14].

Таким образом, для киников был характерен вкус, в соответствии с которым они видели красоту в обыденном. Тем самым они привлекали внимание к «маленькому человеку», скрашивали его жизненную горечь шуткой. Они могли изобразить безобразное так, чтобы оно вызывало не отторжение, а наоборот, становилось причиной положительных мыслей и эмоций [8, с. 36]. Понимание вкуса через призму прекрасного у киников заключалось не в простом игнорировании красоты. Отрицание красоты необходимо оценивать с эстетической точки зрения. Это есть не безучастное и пассивное игнорирование красоты, а активно-эстетическое утверждение отсутствия категории красоты. Иными словами, речь идет об эстетике безобразного. Античный кинизм – это эстетика безобразного, учение о феномене безобразного как категории эстетической сферы. Как категория эстетики, безобразное – это противоположность прекрасному. Ею обозначают отношения и явления, имеющие связь с антиценностью, негативными эмоциями, чувствами отвращения и неудовлетворения [7, с. 146].

Отрицая культуру господ и официальную культуру, киники признавали прекрасным и то, что всегда ценил и почитал народ – мифы, фольклор, эпос Гомера, здоровую красоту. Заключающийся в состоянии противоречия со своим собственным лозунгом «переоценки ценностей». Однако отрицание киников нельзя считать бессодержа-

тельным и пустым. На глубинном уровне этого отрицания пробивался родник народного здравомыслия, находившийся в состоянии враждебности пустопорожнему нигилизму. Отсюда выходят действительные и кажущиеся противоречия в их теоретических постулатах, отрицающих общепринятые вкусовые предпочтения [8, с. 15].

Эстетическая адаптация, свойственная для киников, как приспособление форм произведений к образу мыслей и вкусам публики, по своей сути была демократичной. Диатриба и «Меннипова сатира», как и другие виды ямбической поэзии (холиямбы и мелиямбы), возникшие в среде киников, заимствовали многое у фольклора. Тем самым происходило демократизирующее воздействие на искусство античности [8, с. 16].

Не меньший интерес для понимания вкуса представляют воззрения представителей неоплатонизма. Главный представитель неоплатонизма – Плотин, выходец из Египта. Каждый элемент философской мысли Плотина находится у Аристотеля и Платона. Однако мыслителю удалось свести все элементы в единое стройное и грандиозное мировоззрение, составляющее достойнейшее завершение античной философии [10, с. 5].

В концепции Плотина категории вкуса отводится важное место. Красота – это высшее проявление бытия. Из этого следует, что более высокий уровень красоты обуславливает высокий уровень бытия. И напротив, безобразное – это свидетельство отсутствия бытия [13, с. 33]. Мыслитель указывал на то, что прекрасное воспринимается людьми преимущественно благодаря зрению. Также красоту можно воспринимать благодаря слуху. Прежде всего, это касается музыки, т.к. ритмы и мелодии могут быть прекрасны. Но особым образом Плотин выделял индивидов, способных подняться выше чувственного восприятия. Такие личности видят прекрасное не только в вещах или музыке, но и в добродетели, в знаниях, свойствах, в поступках.

Заслуга мыслителя в исследовании эстетического вкуса нам видится в том, что он пытался выяснить, что же заставляет звуки и тела казаться прекрасными. Так, Плотин уверял, что подавляющее

большинство людей считает, будто красота – это порождение соразмерности частей друг с другом, а также гармоничное цветовое сочетание. А значит, красота по мнению большинства – это соразмерность и симметрия. Следуя такой логике, простое никогда не будет казаться прекрасным. И даже отдельные части сложного не будут восприняты как нечто красивое, они должны сочетаться с целым.

Плотин был в корне не согласен с этим. Ведь если целое считается прекрасным, то и части будут прекрасны, поскольку прекрасное не может включать в себя безобразные части. Также мыслитель приводит в пример свет солнца. Он задается вопросом: Краски света просты и имеют красоту не благодаря симметрии, будут ли они исключены из разряда прекрасных вещей? [10, с. 16]. Подобные аналогии Плотин проводит с золотом, звездами, ночной зарницей. И если Платон останавливается на идее Прекрасного, то Плотина тот же путь приводит к Уму. Это говорит нам о том, что для Плотина одно будет тождественно с другим. При восхождении по ступеням диалектики душа сначала достигает Ума, а затем приходит к пониманию, что все идеи прекрасны в уме. Согласно Плотину, Ум – это естественное искусство, отраженное в чувственных вещах.

Эстетика Плотина буквально пронизана идеей того, что красота не добавляется к предметам извне, в роли привходящего свойства, но составляет их суть [11, с. 167]. Источник красоты по Плотину – это бесконечные в своем разнообразии и вечно существующие идеи, находящиеся одна внутри другой. Они не смешиваются, а образуют единство интеллигибельного мира, мира идей.

Плотином была разработана иерархия красоты, включающая в себя три ступени восхождения:

1. Низшая ступень – красота, которая воспринимается чувственным миром. К ней можно отнести материальную красоту прекрасного, с физической точки зрения, тела, произведения искусства.
2. Вторая ступень – красота, постигаемая человеческой душой. На этой ступени происходит восприятие идеальной красоты души человека, природы, добродетелей, знаний и наук.

3. Первая ступень – высшая ступень, красота умопостигаемая. Она эманурует от самого Бога, который воспринимается как воплощение единства блага и прекрасного – калокагатии [12, с. 33].

С верхних ступеней на нижнюю можно спуститься при помощи эйдосов. Красота проистекает от Бога. С каждой ступенью ее степень будет уменьшена. На основании такого подхода к эстетической категории вкуса Плотин в качестве цели земной жизни называл отрешение от телесности ради возвращения сознания к сверхчувствительной жизни, в которой происходит созерцание идей. Главное условие достижения этой цели – неукоснительное соблюдение условий нравственной жизни. Для мыслителя вся красота мира уступала красоте добродетельной души. Красота – это лишь отблеск идеального мира, а значит, она тождественна благу [12, с. 34].

Также Плотин указывал на то, что настоящую красоту можно увидеть лишь тогда, когда индивид закрывает глаза на все телесное и «погрузится», «заглянет» в самого себя, научится созерцать красоту души, внутренний блеск. Мудрец считал, что внутренним зрением обладают все. Сложность заключается в том, что далеко не все могут воспользоваться им: Восходи к самому себе и смотри. Если ты видишь, что сам ты еще не прекрасен, то подобно тому как творец изваяния в том, что должно стать прекрасным... удаляй все лишнее и выпрямляй все кривое... Ибо только твой глаз видит великую красоту [10, с. 15]. Красота является прекрасной сама по себе лишь на основании факта своего бытия, а не по другой внешней причине. Красота будет являться объективной.

В результате иерархичное восприятие красоты нашло свое воплощение в трех моделях, получивших свою разработку в последующих эстетических восприятиях.

Так, первым типом считается красота, в которой наблюдается яркое стремление к утверждению мужественности, героического духовного проявления, что перешло в скупость, строгость и лаконичность в изобразительных средствах.

Второй тип раскрывает лирическое, женственное начало, устремленность к большей выразительности, легкости, отразив-

шихся в яркой окраске и в изобилии декоративных мелких деталей. Последняя модель красоты имела направленность к культу утонченности, внешней экспрессивности, пышности форм, чувственности. Важным будет заметить, что эти три основных типа художественного мировосприятия не только касались сферы культуры и философии, но и входили во все грани эстетики античных вкусовых предпочтений [12, с. 34]. Рассматривая искусство, Плотин уверял, что источник прекрасного заключается в форме, которая сама имеет своим началом создателя. Так, от художника или скульптора красота приходит и в произведение. И если допустить, что материя уже по своему существу характеризуется как прекрасное, то необходимо признать, что Дух творчества не может обладать красотой, поскольку он ни масса, ни материя.

Важным Плотин считал следующее соображение: человек зачастую не имеет привычки всматриваться в самую глубь вещей, дабы понять их сущность и внутреннюю красоту. Как правило, индивид довольствуется лишь тем, что видит снаружи. Но именно внутри скрыто то, что в наибольшей степени способно увлечь своей красотой. Ведь ни величина, ни масса не могут стать причиной наших симпатий к чему-либо. В качестве доказательства этого тезиса Плотин указывает на то, что нам нравятся и науки, и человеческие поступки, все то, что имеет начало в душе. В таком случае открывается намного большая красота, чем где-либо. Например, когда мы наслаждаемся мудростью, то мы не обращаем внимания на наружность человека, на лицо, на форму тела. И даже более того – нас привлекает только внутренняя красота [10, с. 194]. Как мы видим, эстетические представления Плотина имеют схожие черты с школой кинизма. Также, как и киники, Плотин призывал обращаться не к внешней оболочке, а заглянуть в саму сущность предмета. Таким образом, вкус представителя неоплатонизма имел под собой основание нравственности и добродетели. Уродство заключалось не столько во внешности, сколько в злой сущности вещей, явлений или поступков.

После Плотина наиболее крупной фигурой в неоплатонизме можно считать Прокла. Философское наследие Прокла представля-

ет собой поистине уникальное явление в культуре поздней античности. Именно Проклу удалось выразить важную для античной эстетики идею, в соответствии с которой красота наделена нейтральной природой и в отношении абстрактного мышления, и в отношении чувственного восприятия. Она есть ни то, ни другое, но ей присуща собственная, ни на что ни сводимая природа [6, с. 285].

Касаясь вкуса в области искусства и художественной политики, Прокл указывает на то, что главной проблемой в них остается красота. Благодаря красивому ритму и красивой гармонии происходит украшение внеразумного.

В рассуждении Прокла будут важны два принципа:

1. Для красоты поэзии необходимо соблюдать разумную структуру.
2. Ритм и гармония относятся к иррациональной стороне искусства [5, с. 306].

Красота, согласно Проклу, – это совершенство блага нацеленное на любовь в красоте. Однако стремиться необходимо лишь к тому, что является благом и что действительно необходимо. Из этого следует, что красота – это предмет нашей любви. Красота Прокла – это эйдос, имеющий под собой основание добротной и абсолютно слаженной реальной субстанции. Красота внутри себя – это бесконечно бурлящая жизнь самочувствия, проявляющая себя как соразмерность, как определенность и совершенство в форме особого рода справедливости, одинаковых и в душе человека, и в неодушевленных предметах.

Подразумевая обязательную для античной красоты производственную адекватную осуществленность, можно завести речь о теле красоты, о ее обязательной телесной осуществленности. Часто можно услышать, что античные люди являлись стихийными материалистами. И это утверждение окажется верным даже относительно такого крайнего идеалиста, как Прокл. Красота, которую он формулировал и проповедовал, уходила корнями в глубину нерушимого добротного существования и была завершена достаточно телесной формой смысловой структуры [4, с. 373]. Таким образом,

Прокл подразумевал, что вкусовые предпочтения того или иного индивида имеют прямую связь с его внутренними устремлениями.

В дальнейшем античные акценты эстетики были смещены. Если на начальных этапах поздней античности мыслители обращались, скорее, не к конкретным идеалам красоты, а к их источникам, то ближе к упадку Римской империи начали свое формирование более конкретные учения о вкусах. На наш взгляд, это было обусловлено зарождавшимся христианским миром, поиском божественного в человеке.

На последних этапах поздней античности особо выделялся своими эстетическими воззрениями Лактанций, прозванный также «христианским Цицероном». Стоит отметить и то, что некоторые исследователи считают, что Лактанций находился на перекрестке эпох [13, с. 4]. Прежде всего, он подчеркивал красоту естественную. Это касалось всех живых существ – и животных, и людей. Лактанций не уставал подчеркивать: то, что выглядит гармоничным и прекрасным у животного, придаст безобразный вид человеку. Например, ничего не может быть отвратительнее, чем человек покрытый щетиной или шерстью. Или наоборот – лысое животное. Однако, если сама нагота удивительно способствует красоте человека, то она не свойственна его голове. Поэтому Бог покрыл ее волосами, ибо, поместив их наверху, он как бы украсил самую высокую часть строения [2, с. 155]. И здесь речь может идти не только о человеке, но и о произведении искусства идеального скульптора или художника.

Человеческий ум, согласно Лактанцию, имеет родство с божественным и небесным. Он заключен в голове, словно в высоко расположенной крепости. Такой дворец души имеет самую совершенную форму – форму шара. Верхнюю часть головы покрывает волосной покров. Передняя часть являет собой лицо человека, которое украшено самыми необходимыми и важными для человека частями. На лице располагаются два глаза, а по краям – пара ушей. И на этом моменте Лактанций высказывает солидарность с более ранними идеями античности, указывая, что подобная симметрич-

ность являет собой красоту. Но при этом симметрия приносит и осязаемую пользу. Так, рассуждая о красоте ушей, мыслитель отмечает, что они ничем не защищены и открыты. В противном случае они выглядели бы не столь красиво и не были бы столь удобными. Тонкость и сложность органов зрения столь удивительна, что их устройство сложно описать словами. Брови и ресницы существуют для защиты глаз. Нос, как бы вырастая из середины между бровями, разделяет их. При описании носа мыслитель не забывает упомянуть и его красоту. Эту красоту усиливает наличие двух ноздрей: с одной ноздрей он выглядел бы отталкивающе.

Отмечая парность практически всех главных членов (две ноги, две руки, два уха, два глаза) либо их раздельность на две составные части (сердце с двумя желудочками, две части мозга), Лактанций заострял внимание на том, что подобная двойственность приносит не только пользу для тела, но и украшает его. Таким образом, Лактанций приходит к заключению, что «два» – это совершенное число.

После этого Лактанций продолжает развивать свои эстетические идеи о красоте человека. Увлеченно мыслитель описывает устройство рта, увенчанного губами. Именно губы он называет главным украшением лица. Верхняя губа отделена от нижней небольшой ямкой. Нижняя же губа изящно выступает вперед. Красоту остальных черт лица, по утверждению эстета, невозможно описать словами. Восхищение особого рода вызывали у Лактанция человеческие руки. По его словам, руки созданы «искуснейшим художником» плоскими с небольшой вогнутостью, существующей для того, что удобно было удерживать взятое. Число же пальцев полно и совершенно, устройство их и порядок превосходнейшие. Как можно заметить, описание идеального человеческого существа у Лактанция происходит не с утилитарной, а с преобладающей эстетической точкой зрения. При чтении его описания человека можно прийти к выводу, что нам представлен эстетический анализ скульптурного произведения талантливого мастера [1, с. 157].

На завершающем этапе античного мира мыслители активным образом стали выступать против эстетических воззрений римского общества. В частности, это касалось культа внешней красоты. Особо порицались чрезмерная роскошь и дорогостоящие украшения. По мнению ранних христиан, под излишествами скрывались низменные пороки и зло.

Об этом подробно рассуждал Юстин. Он опирался на известный рассказ Ксенофонта о Геракле, которых познакомился с пороком и добродетелью в образе женщин. Аллегория порока была соблазнительна, очаровательна и носила роскошное убранство. Она обещала Гераклу всяческие блага. И напротив, добродетель обладала простым лицом и грубой одеждой. Ее речи были иные. Она утверждала, что в случае, если герой последует за ней, ему удастся избежать мнимой красоты. Наградой же ему будут прекрасные и вечные украшения [14, с. 239].

Подобные вечные «украшения» и привлекали ранних христиан, поскольку они сохраняли уверенность, что избегающий мнимой красоты и стремящийся к тому, что считается трудным и парадоксальным, получает блаженство [13, с. 226]. Это значит, что вкусовые и эстетические предпочтения заката античной эпохи были обусловлены религиозным аспектом.

Так, по мнению Юстина красота внешних образов изначально была отнесена к добродетели и являлась отражением ее сущности. Вместе с тем, порок в целях прикрытия своих действий стремился к укрытию под формой, которая не была для него присущей. По этой причине добродетели, дабы не иметь общих черт с пороком, вынуждены отказаться от внешней красоты. И наоборот, порок всегда совершенствует форму своей маскировки.

Однако апологеты во II веке не высказывали отрицания естественной человеческой красоте. И более того – в естественной красоте природы и человека они приобретали если не новейший, то иным образом осмысленный предыдущий идеал. Также они активно выступали против блудников, бесчестящих и оскорбляющих «прекраснейшие и священнейшие» тела юношей и девушек. Осу-

ждению подвергалось желание людей украшать себя при помощи драгоценных украшений, одежды, косметики. С одной стороны, это воспринималось как провоцирование возбуждения излишних страстей. С другой – как искажение и умаление естественной человеческой красоты.

Вместе с тем, именно в этот период изощренность ювелиров и художников-костюмеров достигла своего апогея. Знатные девы поражали свет новыми и чрезвычайно дорогостоящими образцами позднеантичной моды.

Приняв христианство в период II–III века, состоятельные девушки и дамы не желали расставаться со своими вкусовыми привычками. И даже в храмы они приходили словно в театр или цирк, ослепляя окружающих своими украшениями [1, с. 227].

Окончательный распад эстетической античной мысли произошел в III в. н. э. Это было время разложения рабовладельческой формации, что, по утверждению А.Ю. Курченко, определило процессы идейной деградации. На тот момент в качестве главного эстетического удовольствия стали выступать различные общественные зрелища. На них присутствовали не только мужчины, но и женщины с детьми; сенаторы и даже императоры принимали в них самое деятельное участие. Наиболее предпочтительной стала комедия. Однако привлекательными считались игры в амфитеатре и цирке, которые своими сценами провоцировали нравственное огрубение населения [3, с. 29].

В заключение можно прийти к выводу, что в эпоху поздней античности понимание вкуса носило не онтологический характер, а гносеологический. Красота была определена не столь гармонией, мерой и симметрией, как это было в более ранней античности, а формами, идеями, замыслами и обращением к внутреннему, духовному миру. Можно сказать, что мыслители обратили свой взор вовнутрь человека.

Главная характерная черта вкуса поздней античности – это преподнесение непривлекательного или даже безобразного в качестве идеала красоты. Главное условие для прекрасного – это наличие

нравственности и добродетели. Это значит, что имеет смысл сказать о тесной связи этики и эстетики в период поздней античности. Красота определяется не внешним обликом, а образом жизни, образом действий. Именно от личного выбора индивида зависит оценка его сущности во вкусе. Таким образом, вкус поздней античности – это синтез нравственных учений и новаторских эстетических подходов, созданный представителями ведущих философских школ. Несмотря на то, что на тот момент еще не существовало стройной концепции вкуса, заслуга этого периода кроется в обогащении эстетической мысли человека.

Список литературы

1. Бычков В.В. Эстетика поздней античности (II-III вв.). М.: Издательство Наука, 1981. 326 с.
2. Гуревич П.С. Эстетика: учебное пособие / П.С. Гуревич. М.: КНОРУС, 2011. 456 с.
3. Курченко А.Ю. Динамика интеллектуальных и эстетических развлечений в позднюю античность // Актуальные вопросы в науке и практике. Сборник статей по материалам VIII международной научно-практической конференции. В 3 частях. Ответственный редактор Халиков А.Р., 2018. С. 26–30.
4. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 544 с.
5. Манашов М.Э. Эстетика безобразного в кинической школе античности и ее проявление в современности / М.Э. Манашов, Н.А. Токторбекова // Вестник Ошского государственного университета. 2014. №4-2. С. 145–151.
6. Нахов И.М. Антология кинизма / Под ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Издательство Наука, 1984. 400 с.
7. Петрович-Белкин О.К. История и культура Европы: учебное пособие для среднего профессионального образования / О.К. Петрович-Белкин. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 169 с.
8. Плотин. О прекрасном / Пер. Ф.Ф. Лосева. М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. 960 с.

9. Плотин. Эннеады / Перев. с древнегреч. и англ. М.: УЦИММ-ПРЕСС, 1995. 394 с.
10. Федулов С.С. Философия кинизма как форма сопротивления элитарной культуре // Ценности и нормы в потоке времени. Материалы VI Международной научной конференции. Б.С. Шалютин (отв. редактор), 2015. С. 124–124.
11. Brehier E. Laphilosophie de Plotin. Librairie philosophique J. Vrin. Paris, (1999): 210.
12. Paris: Les Belles Lettres. Proclus Sur le Premier Alcibiade de Platon , vol. I-II изд. A. Ph. Segonds, Paris: Les Belles Lettres. (1985–1986): 320.
13. Proclus. Théologie Platonicienne, vol. V. Ed. H.D. Saffrey-L.G. Westerink, (1968–1997).
14. Sablon Leiva E.A. Justin the philosopher: points of contact theology and philosophy in the period of the early church. Ukraine, no 92 (2017): 238-243.
15. Ulrich Simon. Heaven in the Christian Tradition. New York: Harper, (1958): 236.

References

1. Bychkov V.V. *Estetika pozdney antichnosti (II-III vv.)* [Aesthetics of late antiquity (II–III centuries)]. Moscow: Nauka Publishing House, 1981. 326 p.
2. Gurevich P.S. *Estetika* [Aesthetics]: textbook. Moscow: KNORUS, 2011. 456 p.
3. Kurchenko A. Yu. Dinamika intellektual'nykh i esteticheskikh razvlecheniy v pozdneyuyu antichnost' [Dynamics of intellectual and aesthetic entertainment in late antiquity]. *Aktual'nye voprosy v nauke i praktike. Sbornik statey po materialam VIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual issues in science and practice. Collection of articles based on the VIII international scientific and practical conference]. In 3 parts. Executive editor Khalikov A.R., 2018. pp. 26–30.
4. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Poslednie veka* [History of ancient aesthetics. Last century]. Vol. 2. Moscow: LLC «publishing house ACT», 2000. 544 p.

5. Manashov M.E , Toktorbekova N.A. Estetika bezobraznogo v kinicheskoj shkole antichnosti i ee proyavlenie v sovremennosti [Aesthetics of the ugly in the cynical school of antiquity and its manifestation in modernity]. *Vestnik Oshskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Osh state University]. 2014. No. 4-2. pp. 145–151.
6. Nakhov I.M. *Antologiya kinizma* [Anthology of cynicism edited]/ by A.A. Takho-godi. Moscow: Nauka Publishing House, 1984. 400 p.
7. Petrovich-Belkin O.K. *Istoriya i kul'tura Evropy: uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya* [History and culture of Europe: textbook for secondary vocational education]. Moscow: Yurayt Publishing House. 2019. 169 p.
8. Plotin. *O prekrasnom* [About the beautiful]. Transl. F.F. Losev. Moscow, 2000. 960 p.
9. Plotin. *Enneady* / Transl. Moscow, 1995. 394 p.
10. Fedulov S.S. *Filosofiya kinizma kak forma soprotivleniya elitarnoy kul'ture* [Philosophy of kinism as a form of resistance to elite culture]. *Tsennosti i normy v potoke vremeni. Materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Values and norms in the flow of time. Proceedings of the VI International scientific conference]. B. S. Shalyutin (Rev. editor), 2015. pp. 124–124.
11. Brehier E. *Laphilosophie de Plotin*. Librairie philosophique J. Vrin. Paris, 1999. p. 210.
12. Paris: Les Belles Lettres. *Proclus Sur le Premier Alcibiade de Platon*, Vol. I-II. A. Ph. Segonds, Paris: Les Belles Lettres, 1985-1986. p. 320.
13. Proclus. *Théologie Platonicienne*, Vol V. Ed. H. D. Saffrey-L.G. Westerink, 1968–1997.
14. Sablon Leiva E.A. Justin the philosopher: points of contact theology and philosophy in the period of the early church. Ukraine. 2017. No 92. pp. 238–243.
15. Ulrich Simon. *Heaven in the Christian Tradition*. New York: Harper. 1958. p. 236.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Верховцева Юлия Александровна, аспирант кафедры философии, культурологии и социологии
*ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
проезд Северный 1, г. Оренбург, Оренбургская область,
460052, Российская Федерация
tretiakova.1991@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Verkhovtseva Yulia Aleksandrovna, Post-graduate student of the Department of philosophy, of science cultural studies and sociology
*Orenburg State University
1, Severny passage, Orenburg, Orenburg Region, 460052, Russian Federation
tretiakova.1991@yandex.ru*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-6-55-76
УДК 1 (091)

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Власов Р.Г.

Цель. Статья посвящена актуальной в условиях современной социально-экономической реальности теме безопасности. Предметом исследования выступает анализ концепций, политики, стратегии безопасности в истории социально-философской мысли.

Для решения научно-практической задачи поиска новой парадигмы общественного устройства требуется социально-философское осмысление, как исходных принципов, так и социокультурной динамики общественного состояния. Поэтому особенно значимой является проблема социально-философского анализа общественной безопасности на всех ее уровнях

Научную новизну исследования составляет предмет статьи, который выражается в анализе подходов к понятию «безопасность» представителей социально-философской мысли в прямой постановке. Прямая поставка проблем безопасности в первые была выражена в творчестве: Н. Макиавелли, М. Хайдеггера, Б. Чечерина. Все остальные представители социально-философской мысли рассматривают понятие безопасности либо в контексте подходов близких по смыслу и содержанию с искомым, либо дополняющих и конкретизирующих его структуру: Платон, Аристотель, Ф. Аквинский, Т. Гоббс, И. Кант, Ф. Гегель, О. Конт, Г. Спенсер, К. Маркс и др.

Метод и методология проведения работы. Основы исследования образует анализ взглядов на проблему безопасности в истории социально-философской мысли в проблематике социально-философского анализа.

Результаты. Проблематика безопасности социальных систем является одной из важнейших тем социальной философии, которая подразумевает исследование взглядов выдающихся мыслителей прошлого, в теории и практике безопасности социальных систем и их влияние на современное состояние.

Современная теория безопасности, хотя и активно осмысливает свой предмет, но является формирующейся теорией. Отсюда главным представляется определение ее методологических оснований. Считаем, что в современных условиях наиболее развитой методологией является философская теория всеобщего. Понимание безопасности как процесса, который развивается по спирали, через отрицание отрицания, через переход количественных изменений в качественные, позволяет выработать стратеги. Обеспечения безопасности в системе «безопасность личности – региональная безопасность – государственная безопасность – межгосударственная безопасность».

Для выработки теории безопасности как целостной системы, необходимо определение ее социокультурных оснований как универсальной целостной системы, выработанной цивилизацией с учетом специфики рассматриваемого национального менталитета.

Область применения результатов. По-нашему мнению, проблема безопасности есть, безусловно, социально-философская проблема, поскольку для выработки концепций и моделей государственной, национальной и региональной безопасности необходим социально-философский анализ поставленной проблемы. Социальная философия должна вооружить смежные общественные науки современной методологической базой, что создает возможные и необходимые предпосылки для выработки научно-обоснованной системы безопасности, крайне востребованной общественной практикой сегодня.

Ключевые слова: безопасность; историко-философский анализ; общественная безопасность; государственная безопасность; национальная безопасность.

PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY IN THE HISTORY OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT

Vlasov R.G.

Purpose. *The article is devoted to the topic of security relevant in the current socio-economic reality. The subject of the study is the analysis of concepts, policies, security strategies in the history of socio-philosophical thought. To solve the scientific and practical task of searching for a new paradigm of social structure, a socio-philosophical understanding of both the initial principles and the socio-cultural dynamics of social status is required. Therefore, the problem of social and philosophical analysis of public safety at all its levels is especially significant. The scientific novelty of the study is the subject of the article, which is expressed in the analysis of approaches to the concept of “security” of representatives of social and philosophical thought in a direct formulation. The direct supply of security problems in the first was expressed in the work of: N. Machiavelli, M. Highdeggera, B. Checherina. All other representatives of socio-philosophical thought consider the concept of security either in the context of approaches similar in meaning and content to the sought, or complementing and concretizing its structure: Platon, Aristotle, F. Aquinsky, T. Hobbes, I. Kant, F. Hegel, O. Comte, G. Spencer, K. Marx and others.*

Methodology. *The foundations of the study are the analysis of views on the security problem in the history of socio-philosophical thought in the problems of socio-philosophical analysis.*

Results. *The issue of security of social systems is one of the most important topics of social philosophy, which implies the study of the views of prominent thinkers of the past, in the theory and practice of the safety of social systems and their impact on the current state. The modern theory of security, although it actively comprehends its subject, is an emerging theory. Hence, the main thing is the definition of its methodological foundations. We believe that in modern conditions the most developed methodology is the philosophical theory of the universal. Understand-*

ing security as a process that develops in a spiral, through the negation of negation, through the transition of quantitative changes to qualitative ones, allows developing strategies. Security in the system “personal security – regional security – state security – interstate security”.

To develop a theory of security as a holistic system, it is necessary to determine its socio-cultural foundations as a universal holistic system developed by civilization, taking into account the specifics of the national mentality under consideration.

Practical implications. *In our opinion, the security problem is, of course, a socio-philosophical problem, since a socio-philosophical analysis of the problem is required to develop concepts and models of state, national and regional security. Social philosophy should equip related social sciences with a modern methodological base, which creates the possible and necessary prerequisites for the development of a scientifically-based safety system, which is extremely demanded by social practice today.*

Keywords: *security; historical and philosophical analysis; public security; state security; national security.*

Актуальность проблемы общественной безопасности, по мнению автора, состоит в том, что современная ситуация в России и мире – одно из проявлений общего кризиса цивилизации: на рубеже XX–XXI вв. существующий ранее порядок разрушается по всей планете. Идет процесс выработки новой парадигмы существования человечества – устойчивого развития информационного общества. Поэтому все уровни безопасности, как одно из условий устойчивого развития, становятся актуальной практической и теоретической проблемой современности.

В наше время проблема безопасности превратилась в глобальную проблему выживания человечества в целом, непосредственно нашего государства и его субъектов. Сегодня, когда количество источников опасности в Российской Федерации неуклонно и быстро возрастает (урбанизация, глобализация, искусственный интеллект, информатизация и цифровая революция, волатильность рынков энергоресурсов, риски финансово-экономических кризисов,

ксенофобия, сепаратизм, насильственный экстремизм, религиозный радикализм, терроризм, гибридные войны и др.), когда иммунитет общественного организма значительно ослаб, эффективное решение проблем безопасности невозможно без создания и осмысления новой парадигмы общественной безопасности.

Россия переживает сегодня цивилизационный сдвиг, переход к новому типу государственного устройства, к несчастью, отягощенный реальными угрозами потери государственности, разрушением основ жизнедеятельности общества, распада личности, в сложившихся условиях становится очевидным, что нет ничего важнее безопасности.

Формирование целостной и недеklarированной концепции безопасности в государственном и региональном масштабе сталкивается со значительными трудностями, обусловленными следующими обстоятельствами, у власти и общества нет ответа на два главных вопроса: на каких, собственно, фундаментальных принципах или философско-мировоззренческих принципах и основах могла бы быть построена концепция безопасности человека, и сложилась ли у нас современная форма государственности в системе «государство – субъекты федерации».

Для решения этой сложной научно-практической задачи требуется социально-философское осмысление, как исходных принципов, так и социокультурной динамики общественного состояния. Поэтому особенно значимой является проблема социально-философского анализа общественной безопасности на всех ее уровнях: геополитический, национальный, региональный.

В теории безопасности, конституирования ее базовых понятий необходимы постоянный анализ концепций, политики, стратегии безопасности различных государств и их регионов, обобщение результатов научных изысканий в этой области, поиск сравнительно-исторического материала.

Именно поэтому проблематика безопасности социальных систем оказывается одной из важнейших тем социальной философии. Непреходящее значение в анализе актуальных проблем социальной

философии имеет исследование взглядов выдающихся мыслителей, ученых, политиков по проблемам безопасности. Современный уровень развития социальной жизни убедительно показывает, что невостребованным остается богатейшее интеллектуальное наследие по проблемам безопасности выдающихся философов прошлого, не работают в должной мере многие важные идеи классиков социально-философской мысли.

Существующие реалии позволяют провести классификацию актуальных подходов к проблеме безопасности в истории социально-философской мысли:

- взгляды представителей социально-философской мысли, где проблемы безопасности рассматриваются в контексте подходов либо близких по смыслу и содержанию с искомым, либо дополняющих и конкретизирующих его структуру;
- основные подходы к понятию «безопасность», анализируемые в прямой постановке представителями социально-философской мысли.

При этом надо иметь в виду, что палитра взглядов по указанной проблеме достаточно широка. Поэтому мы ограничили социально-философский анализ взглядами классиков историко-философской мысли, внесших по нашему мнению, наиболее значительный вклад в методологическое осмысление проблематики безопасности.

Историко-философский анализ, выделяя типы мышления и менталитета, типы философий и т. д., использует аналогии, параллели и диалог. Выявляется и тот факт, что историко-философская самобытность оказывается неотъемлемым свойством философской культуры, проявляющейся в диалогичном понимании «другого». Процесс взаимодействия философских культур максимально расширяет мировоззренческое и социокультурное пространство, а нарастание числа связей делает философскую культуру стойкой и способной к усвоению социально-философских инноваций.

Прежде всего, рассмотрим взгляды классиков социальной философии, где рассматриваемая проблема дается в целях осмысления и конституирования искомого понятия «безопасность».

При этом надо иметь в виду, что палитра взглядов по указанной проблеме достаточно широка, поэтому мы ограничили социально-философский анализ взглядами классиков историко-философской мысли, внесших наиболее значительный вклад в методологическое осмысление проблематики безопасности, хотя и не рассматривающих этот вопрос в прямой постановке.

Следует отметить, что проблемы безопасности общества и личности волновали мыслителей с древних времен.

Размышления о системе государственной безопасности, о направлениях деятельности по обеспечению социальной устойчивости зримо проявились уже в античности и, в частности, в творчестве Платона, в его социально-философских рассуждениях об общественном устройстве [7].

В диалоге «Государство» Платон рисует картину идеального общественного строя и обосновывая ее, решает ряд важных теоретических проблем. По его мнению, общество возникает из потребностей, которые люди могут удовлетворить лишь совместно, сотрудничая друг с другом. Так же как гончар и земледелец, обществу для его устойчивого развития нужны и воины, и правители. В отдельности все эти социальные группы не жизнеспособны, а своих внутригрупповых и межгрупповых целей они могут достигать только совместно.

В своих социально-философских подходах Платон уподоблял индивидуальный человеческий организм и общество, что по нашему мнению чрезвычайно важно в осмыслении философских проблем безопасности.

В связи с начальным этапом разработки данной проблемы в истории социальной философии возможен и необходим самый детальный анализ текстов.

Исторические реалии древнего мира были таковы, что политика превратилась в замкнутую сферу деятельности, доступную лишь ограниченному кругу лиц, а система безопасности стала формироваться лишь для обеспечения личной безопасности правящих кругов государства и военного захвата новых территорий.

В эпоху средневековья интеллектуальная активность людей стала перемещаться в сферу религиозных абстракций. В результате сложился теологический тип культуры и социально-философской мысли со своими идеалами личности и организацией социального поля общества. Система безопасности здесь ориентировалась на защиту интересов церкви и правящих кругов. Кроме собственно армий и флотов, формировались многочисленные религиозно-военно-низированные ордена, силовыми методами защищающие безопасность веры.

Ярким примером социальной мысли этого периода по проблемам социальной безопасности служат социально-философские взгляды Фомы Аквинского [8]. Размышляя над этими проблемами, он, прежде всего, попытался сформулировать свои представления о праве, выделяя три его разновидности: вечное, естественное и человеческое. Отсюда благо государства, по Ф. Аквинскому, выше блага отдельного человека: оно гарантируется и охраняется Божественной волей. Страдания государства влекут за собой страдания его граждан. Тщательное выполнение человеком обязанностей, установленных Богом, выступает гарантией всеобщего блага и всеобщей безопасности.

Свой вклад в развитие проблемы безопасности внес и крупнейший английский философ Т. Гоббс [3]. По его мнению, основным путем сохранения общественного равновесия и обеспечения государственной безопасности является общественный договор. В равенстве людей, по Т. Гоббсу, заложен источник угроз системе безопасности, ибо на всех жизненных благ не хватит. Жизнь людей без власти, держащей всех в страхе, и обеспечивающей безопасность общества, порождает состояние, которое называется «войной всех против всех». На основе этих рассуждений Т. Гоббсом разрабатывалась целая система естественных законов, которые государство должно поддерживать силой.

Таким образом, классики мировой социально-философской мысли различных школ и направлений в области формирования методологических оснований понятия «безопасность» создали основы

для формирования его структуры и мировоззренческих схем. Ими были сформулированы необходимые и достаточные условия для институализации безопасности как социального явления.

Многие мыслители, специализирующиеся в области социальной философии, не только рассмотрели, но и проанализировали понятие безопасность.

По нашему мнению, первым фундаментально рассмотрел теорию безопасности классик Эпохи Возрождения Н. Макиавелли [5].

В его трудах изложен социально-философский анализ теоретических основ безопасности, раскрыты функциональные основы государственной безопасности как социальной системы. Важно отметить и то, что Н. Макиавелли неразрывно связывает проблемы философии безопасности с теорией принятия решений на всех уровнях функционирования. Прежде всего, Н. Макиавелли считал, что только законодательная база государства создаст необходимые и достаточные основы государственной безопасности. На примере современной ему Франции он писал, что именно в этой стране «имеется множество полезных учреждений, обеспечивающих свободу и безопасность короля, из которых первейшее парламент с его полномочиями» [5]. Это цитата из его работы «Государь», далее Н. Макиавелли делает важнейший методологический вывод: «Трудно вообразить лучший и более разумный порядок, как и более верный залог безопасности короля и королевства» [15].

Часто в исследовательских материалах, посвящаемых творчеству Н. Макиавелли, звучит негативная оценка его социально-философской системы, чуждой природе современной ему государственной власти. С этим нельзя согласиться. Так, Н. Макиавелли в своей работе «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» [15] впервые вводит в научный оборот термин «общественная безопасность». При этом Н. Макиавелли делает важнейший философский вывод о генетической взаимосвязи общественной безопасности и свободы в государстве. В этой связи И. Макиавелли считает, что стремление народа к свободе осуществляется ради своей безопасности. При этом государственная власть должна удовлетворить стремле-

ние народа к свободе, создав порядки и законы для обеспечения общественной безопасности. «Когда государь делает это и когда народ увидит, что никто ни при каких обстоятельствах не нарушит данных ему законов, он очень скоро начнет жить жизнью спокойной и довольной. Пример тому – королевство Франции. Оно живет спокойно, прежде всего, потому, что его короли связаны бесчисленными законами, в которых заключается свобода и безопасность всего народа» [5].

Конституируя феномен общественной безопасности, Н. Макиавелли анализирует и его структурные элементы. Такими элементами, по его мнению, являются:

- подуровни общественной безопасности - внутренняя и внешняя;
- понятие «угроза» и «опасность»;
- феномен личной безопасности;
- формы и методы политического менеджмента властной элиты по обеспечению общественной безопасности;
- актуальные проблемы военной, военно-политической и геополитической безопасности государства;
- государственная безопасность в эволюционном процессе общественного развития.

Рассуждая о проблемах безопасности и органично сочетающейся с ней проблеме опасности, Н. Макиавелли делает вывод о наличии двух подуровней общественной безопасности, раскрывая при этом и аналогичные подуровни понятия опасности. По его мнению, «государя подстерегают две опасности одна изнутри, со стороны подданных, другая извне, со стороны сильных соседей» [15]. Далее у Н. Макиавелли прослеживается и функциональная модель локализации внешней и внутренней опасности. «С внешней опасностью можно справиться при помощи хорошего войска и хороших союзников... А если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры» [5].

Н. Макиавелли, исследуя феномен опасности, подчеркивает множественность видов опасностей, которые могут быть в государ-

стве. Однако он не конкретизировал и не классифицировал виды опасности, что, правда, нисколько не умаляет вклада Н. Макиавелли в теорию безопасности.

Определенное место в творчестве Н. Макиавелли занимает проблема личной безопасности представителей властной элиты. При этом у Н. Макиавелли существует понимание взаимопересечения и взаимодополнения личной и общественной безопасности. «... Безопасность личная и его государства им важнее, чем общественная выгода, ибо от этой безопасности зависит всякое иное благополучие, если же герцог потерпит какой бы то ни было урон, то и для Флоренции тоже дело обернется плохо» [5].

Н. Макиавелли, что для нас существенно, исходя из интеллектуальных возможностей своего времени; первым из классиков социально-философской мысли развил основы военной, военно-политической и геополитической безопасности государства.

В области геополитической безопасности Н. Макиавелли разработал следующую методологическую схему: для того чтобы «королю закрепить свое преимущество, для этого необходимо обеспечить безопасность союзникам» [5].

Для обеспечения устойчивости государства властной элите необходимо укрепить свою власть новым военным и гражданским устройством, что создает основу общественной безопасности [14].

Особое внимание Н. Макиавелли при разработке социально-философских основ теории безопасности уделил вопросам включения общественной безопасности в эволюционную стратегию государственного развития. Именно в этом контексте Н. Макиавелли осуществляет попытку использования возможностей философской методологии для институализации понятия безопасности. Рассматривая понятие безопасности через категорию опасности, Н. Макиавелли писал: «Все дела, поначалу связанные с опасностью, вознаграждаются, и невозможно добиться безопасного существования, не подвергая себя при этом опасности. Многим из нас победа дает славные почести, а всем безопасность» [5]. В этих размышлениях о природе опасности и безопасности у Н. Макиавелли заложен глу-

бокий смысл. Нет обществ абсолютно безопасных, и только анализ и локализация существующих и перспективных опасностей и угроз позволит существующей власти обеспечить устойчивость своей деятельности, а всем остальным обрести безопасность.

Властной элите необходимо заботиться об экономической безопасности своего государства, ибо «Победы ведут к опустошению казны, а затем к обеднению народа и при этом не обеспечивают безопасность от побежденного врага» [5].

Н. Макиавелли в своих работах уделял определенное внимание и проблемам обеспечения региональной безопасности. Не употребляя в прямой постановке этот термин, он активно исследовал его существо в условиях сложившихся в современной ему Европе отношений. При этом он активно использовал понятие «безопасность внутри» [14].

Свой вклад в развитие проблемы безопасности внес и крупнейший английский философ Т. Гоббс. По его мнению, основным путем сохранения общественного равновесия и обеспечения государственной безопасности является общественный договор. В равенстве людей по Гоббсу, заложен источник угроз системе безопасности, ибо на всех жизненных благ не хватит [3].

Значительную роль в становлении социально-философских взглядов на проблему безопасности внесли мыслители Французского Просвещения XVIII века и представители немецкой классической философии. У Ж.Ж. Руссо безопасность гражданского общества олицетворяется с понятием «общей воли». Одним из аспектов обеспечения безопасности и стабильности в обществе Руссо считает внедрение в политическую теорию и практику «общественного договора» путем установления «общественного договора», путем установления народного суверенитета и социально-политического равенства. По мнению И. Канта и Ф. Гегеля, чтобы преодолеть человеческие пороки и их негативные последствия необходимо ограничение воли людей, подчинение их дисциплине гражданского общества, законам государства, которые призваны защищать безопасность людей и самого государства [8].

И. Кант и Ф. Гегель в своих концепциях дают синтетический анализ человека и общества, где в диалектическом единстве рассматривают культуру, цивилизацию, мораль, право, социальную психологию. В их видении системы безопасности четко просматриваются необходимость диалектики законодательных и исполнительных механизмов в самоорганизации демократического общества, выделяя внутреннюю и внешнюю безопасность государства и гражданского общества [8].

Французский мыслитель О. Конт считал, что экономические связи в общественных отношениях сами по себе не гарантируют стабильность общества и его безопасность, не могут обуздать разрушающее влияние эгоизма и агрессивности. Это требует создания специального социального института, занимающегося формированием национального самосознания и создания системы безопасности общества. По мнению О. Конта, порядок (безопасность общества) и прогресс суть различные проявления общественного целого [9].

Для понимания проблем философии безопасности большое значение имеет концепция социальных институтов Г. Спенсера, как механизмов самоорганизации совместной жизни людей. Г. Спенсер считал, что несогласованность деятельности социальных институтов может привести к распаду социального организма [9].

Определенный вклад в формирование философии безопасности внес К. Маркс [9]. Угроза социальной системе безопасности общества, источник социальной напряженности, К. Маркс видел в неравномерном отношении к социальным благам, а систему безопасности общества рассматривал с позиций классовых интересов, отмечая, что она всегда защищает интересы правящего класса.

К середине XX века проблемы безопасность рассматривались в социально-философских концепциях культуры, представленных в творчестве А. Тойнби, П. Сорокина, О. Шпенглера и К. Ясперса, в работах данных мыслителей проводится осмысление цивилизационного фактора в истории человечества, вычленяются и анализируются отдельные цивилизации, показывается их актуальность

и неповторимость, что важно для анализа социально-философских аспектов безопасности [8, 9].

Значительную роль в разработке методологии философского анализа проблем безопасности сыграл выдающийся немецкий философ М. Хайдеггер [11]. Используя собственный категориальный аппарат, через термин «постава» как настойчивое приведение всего в природе, в обществе, в человеке к «состоянию в наличии», «непотаенное» как истина не в смысле правильного суждения, в исходном смысле того, что так или иначе всегда заранее уже есть, анализирует категорию «опасность».

Определяя место человека в обществе, М. Хайдеггер определяет его возможности в аспекте исторического бытия. С одной стороны, раскрытие потаенности, а значит, приближение к тому, что человек будет исследовать и разрабатывать по образцу постава, все измеряя его мерой. С другой стороны, для индивида, по мнению М. Хайдеггера, закроется другая возможность, поскольку «человек будет вносить в существо непотаенность, принимая эту требующуюся для ее раскрытия принадлежность как свое собственное существо» [17].

При этом человек в диалектике этих двух возможностей ставит себя на край опасности, а миссия непотаенности в этих условиях во всех её видах определена М. Хайдеггером как риск и угроза субъективного отношения человека к миссии раскрытия как потаенного, так и непотаенного.

Главной опасностью в системе субъективности человека в обществе, согласно М. Хайдеггеру, является миссия раскрытия тайны. При этом, «когда миссия правит в образе постава, она - крайняя опасность» [17].

Далее М. Хайдеггер анализирует составляющие понятия «опасность», вводя категории «риск» и «вызов».

Риск определяется в двух смыслах. По мнению М. Хайдеггера, непотаенное захватывает человека не как объект, предстоящий человеку, а исключительно как состоящее в наличии. Человек в этих условиях становится частью наличности, создавая этим для себя угрозу стать фигурой господина земли. Человек настолько реши-

тельно втянут в постав, что не воспринимает его как обращенный к нему вызов, просматривает самого себя как захваченного этим вызовом. Далее М. Хайдеггер отмечает, что постав подвергает риску не только человека, не только его отношение к самому себе, но и к тому, что уже есть.

По М. Хайдеггеру, миссия, посылающая на исторический путь «доставления действительности», есть высший риск. Однако М. Хайдеггер при этом считает, что структура любой общественной системы не опасна сама по себе, риском здесь является направленность действия человека в этой системе. Постав в данном контексте выступает, по М. Хайдеггеру, как объект опасности [19].

Важнейший философский вывод М. Хайдеггера – человек в обществе не должен терять своей субъективности. Подлинная угроза человеку находится в нем самом. При этом господство постава грозит той же опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к исходному раскрытию потаенности.

М. Хайдеггер считает, что с господством общественного (постава) над личным приходит крайняя опасность. При этом логика его философских размышлений выводит мыслителя на категорию «безопасность», определенную им как «спасение» [19].

М. Хайдеггер убеждён, что из опасности неизбежно вырастает спасительное. При этом «спасение» (безопасность), по его мнению, находится в самой сути общественной структуры (постава). При этом функциональные механизмы безопасности (спасения) относительны, так как человек не всегда определяет существо и направленность опасности, но, вместе с тем, где опасность существует, человек должен готовиться к тому, чтобы зафиксировать спасение (безопасность).

По-мнению М. Хайдеггера, человек должен сначала понять, почему там, где крайняя опасность, почему именно в общественной системе (поставе), спасение (безопасность) коренится глубже всего, только еще зарождаясь [11].

В данном контексте философский анализ М. Хайдеггера выводит положение о безопасности как о имманентно присущем человеку со-

стоянии. В любой из качественных определенностей человека в социуме он должен постоянно анализировать возможности опасности.

Проблемы безопасности оказались в поле зрения общественно-политической и интеллектуальной жизни России конца XIX века.

Серьезные раздумья о безопасности государства были присущи крупному русскому мыслителю Б. Н. Чичерину [12], внесшему заметный вклад в русскую социальную философию XIX века.

По мнению Б.Н. Чичерина, наиболее характерным признаком государственного союза является верховная власть. Она управляет государством, следовательно, является верховным двигателем всех его целей. Но собственное ее назначение, независимо от других элементов, состоит в установлении безопасности. Эта сила, побеждающая все другие силы, препятствует нарушению порядка, а вместе с тем сохраняет союз от внешних нападений. Установление безопасности, как отмечал Б.Н. Чичерин, является одной из основных целей государства [13]. Средством для этого служит развитие государственной силы, которая через это сама становится целью для государства. Очевидно, что эта цель чисто отрицательная, так как она состоит в устранении зла. В реализации этой мысли Б.Н. Чичерин предлагает устранить зло, или неправомерное насилие, только насилием, то есть новым злом. Запрещая насилие, обеспечивая безопасность, государство тем самым объявляет свободу и права человека неприкосновенными для других. Государственная сила, по Б. Н. Чичерину, составляющая плод народного самосознания, есть все-таки не цель, а средство. Она дает народу возможность играть всемирно-историческую роль, но для исполнения этой роли необходимо быть носителем всемирно-исторических идей.

Интересны взгляды Б. Н. Чичерина на проблемы федеративного государственного устройства, а значит, на обеспечение региональной безопасности составляющих федерацию регионов [13] Б.Н. Чичерин в этой связи считал, что главным объединяющим началом всякого союзного устройства является единство исторических судеб. Важнейшим социально-философским выводом здесь является то, что союзные государства сохраняют между собой постоянную

социокультурную историческую связь. Где история не установила этой связи, скорее образуется единичное государство с более или менее развитой провинциальной жизнью.

Надо отметить, что до конца XX века исследователи не уделяли должного внимания философско-методологическим проблемам безопасности. В условиях Советского Союза это было следствием корпоративности данного явления, выраженного в закрытости любых вопросов, связанных с безопасностью [2, 4]. Это было связано с монополизацией всех вопросов и проблемных полей государственной безопасности высшим военно-политическим руководством бывшего СССР. Вследствие этих и других причин слабо разработано само понятие «безопасность». В справочно-информационных изданиях, выпущенных в СССР в 80-х годах, дается трактовка сугубо прикладных аспектов безопасности, прежде всего военной и военно-политической. С этим связана стабильность в социуме в условиях тоталитарной формы правления.

В целом актуализация понятия «безопасность» в истории социально-философской мысли носит, в основном, характер отрывочного бессистемного знания [2, 4].

Однако крупные мыслители прошлого Н. Макиавелли, М. Хайдеггер и Б. Н. Чичерин, хотя принадлежали к разным социально-философским школам, а их творчество находится в разных временных измерениях, увидели и попытались проанализировать феномен безопасности во всех сферах жизни общества.

В дальнейшем проблематика безопасности стала развиваться в экономике, политологии, социологии, военных науках. Это состояние привело к тому, что в настоящее время не сформировались единые мировоззренческие и методологические принципы для анализа понятия «безопасность».

Лишь с 90-х годов XX века социальная философия, прежде всего нашей страны, стала проявлять к феномену «безопасность» научный и научно-практический интерес.

Следует отметить, что представление о безопасности развивалось от поверхностного к более глубокому знанию, построенному на фи-

лософско-методологических основаниях. А. Шарихин считает в этой связи, что понятие «безопасность» чаще всего рассматривается как такое состояние, когда нет опасностей, т.е. система факторов и условий, угрожающих существованию непосредственного индивида или его сообщества в форме семьи, населения или государства [2].

Ряд современных авторов дают определение термина «безопасность» через противоположное понятие – «опасность». Так А. Мигулатьев [6] в качестве научного понятия или категории внешней политики (социальной философии, философии политики, теории дипломатии) безопасность представляет как состояние отношений между государствами, при котором им не угрожает опасность войны либо другое покушение извне. И. Лазарев считает, что под безопасностью необходимо понимать состояние отношений между субъектами, при которых их развитию не угрожает военная, экономическая, экологическая или иная опасность.

Современный цивилизационный процесс не готов функционально воспринимать идеалистические схемы и доктрины, так называемого «чистого», а значит безопасного общества. В современном социуме велика роль случайностей во всех сферах общественной жизни. Иногда статусные характеристики явления случайностей способны серьезно нарушить состояние динамического социального равновесия в обществе.

Проблематика безопасности, хотя и активно осмысливает свой предмет, но является формирующейся теорией. Отсюда главным представляется определение ее методологических оснований. Считаем, что в современных условиях наиболее развитой методологией является философская теория всеобщего. Понимание безопасности как процесса, который развивается по спирали, через отрицание отрицания, через переход количественных изменений в качественные, позволяет выработать стратегии. Обеспечения безопасности в системе «безопасность личности – региональная безопасность – государственная безопасность – межгосударственная безопасность».

Для выработки теории безопасности как целостной системы, необходимо определение ее социокультурных оснований как универ-

сальной целостной системы, выработанной цивилизацией с учетом специфики рассматриваемого национального менталитета.

Важно отметить и то, что современное видение социальной философии актуальных проблем безопасности не копирует чужой опыт, а только осмысливает его. Все это создает прецедент анализа чисто российской специфики проблем безопасности, что особенно важно в период становления институциональных основ российской государственности, осмысления реальных философских оснований федеративного устройства нашей страны.

Список литературы

1. Аристотель. Политика/ Сочинения в 4-х томах. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 375–644.
2. Ващекин Н.П., Мунтян В.А., Урсул А.Д. Глобализация и устойчивое развитие. М.: МГУК, 2002. 582 с.
3. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского/ избр. произвед. В 2-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1964. 748 с.
4. Дзилиев М.И., Романович А.Л., Урсул А.Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты. М.: МГУК, 2011. 192 с.
5. Макиавелли Н. Государь: сочинения. М.: ЗАО Издательство ЭКС-ПО-Пресс; Харьков: Издательство «Фолиа», 1998. 656 с.
6. Мигولاتьев А.А. Альтернативы века. Что впереди. М.: Луч, 1992. 271 с.
7. Платон. Государство / Сочинения в 3-х томах. Т.3. ч.1. М.: Мысль, 1971. С. 89-454.
8. Рассел Б. История западной философии. М.: АСТ, 2018. 1024 с.
9. Социо-логос: пер. с англ., нем., франц. / Сост., общ. Ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. 480 с.
10. Телегин В.И. Социология национальной безопасности как «новая» парадигма социологического знания // Безопасность. 1995. № 3-4. С. 79–86.
11. Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993. 447с.
12. Чичерин Б.Н. Государство и общество // Российский военный сборник. М.: ГАВС, 1992. С. 33–51.

13. Чичерин Б.Н. Основания политики/ Б.Н. Чичерин // Российский военный сборник. М.: ГАБС, 1992. С. 72–91.
14. Colish, Marcia L. Machiavelli's 'Art of War': A Reconsideration // *Renaissance Quarterly*, Vol. 51, No. 4, Winter 1998. <https://www.questia.com/library/journal/1G1-54064277/machiavelli-s-art-of-war-a-reconsideration>
15. David Wootton Selected Political Writings by Niccolò Machiavelli; Hackett, 1994.
16. Gubser Michael, Heidegger Martin Being and Truth // *The Review of Metaphysics*, Vol. 70, No. 3, March 2017.
17. Groth Miles, Heidegger Martin, Contributions to Philosophy (of the Event) // *The Review of Metaphysics*, Vol. 66, No. 2, December 2012.
18. Peter Bondanella, Mark Musa, The Prince By Niccolò Machiavelli; Oxford University Press, 1998.
19. Wilk Rafal Kazimier on Human Being: A Dispute between Edith Stein and Martin Heidegger // *Logos: A Journal of Catholic Thought and Culture*, Vol. 10, No. 4, Fall 2007.

References

1. *Aristotel'. Politika* [Policy]/ Works in 4 volumes. V.4. M.: Mysl', 1983. pp.375-644.
2. Vashchekin N.P., Muntyan V.A., Ursul A.D. *Globalizaciya i ustojchivoe razvitie* [Globalization and sustainable development]. M. MGUK, 2002. 582 p.
3. Gobbs T. *Leviafan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo/ izbr proizved.* [Leviathan, or matter, form and power of the state ecclesiastical and civil]/ Works in 2 volumes. V.2. M.: Mysl', 1964. 748 p.
4. Dziliev M.I., Romanovich A.L., Ursul A.D. *Problemy bezopasnosti: teoretiko-metodologicheskie aspekty* [Security problems: theoretical and methodological aspects]. M.: MGUK, 2011. 192 p.
5. Machiavelli N. *Gosudar': sochineniya* [Prince: works]. Moscow.: ZAO Izdatel'stvo EKSPRESS-Press; Har'kov: Izdatel'stvo «Folia», 1998. 656 pp.
6. Migolat'ev A.A. *Al'ternativy veka. Chto vpered* [Alternatives of the century. What's ahead]. M.: Luch, 1992. 271p.

7. Platon. *Gosudarstvo* [State]/ Works in 3 volumes. V.3. Part 1. M.: Mysl, 1971. pp. 89–454.
8. Rassel B. *Istoriya zapadnoj filosofii* [History of Western philosophy]. In two volumes. Moscow: AST, 2018. pp. 1024
9. *Socio-logos* [Socio-logos]/ ed. V.V. Vinokurova, A.F. Filippova. Moscow.: Progress, 1991. pp. 480.
10. Telegin V.I. Sociologiya nacional'noj bezopasnosti kak «novaya» paradigam sociologicheskogo znaniya [Sociology of national security as a “new” paradigm of sociological knowledge]. *Bezopasnost'* [Security]. 1995. № 3-4. pp. 79–86.
11. Hajdegger M. *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow: Respublika, 1993. 447 p.
12. Chicherin B.N. Gosudarstvo i obshchestvo [State and society]. *Rossijskij voennyj sbornik* [Russian military collection]. Moscow.: GAVS, 1992. pp. 33–51.
13. Chicherin B.N. Osnovaniya politiki [Fundamentals of politics]. *Rossijskij voennyj sbornik* [Russian military collection]. Moscow.: GAVS, 1992. pp. 72–91.
14. Colish, Marcia L. Machiavelli's 'Art of War': A Reconsideration // Renaissance Quarterly, Vol. 51, No. 4, Winter 1998. <https://www.questia.com/library/journal/1G1-54064277/machiavelli-s-art-of-war-a-reconsideration>
15. David Wootton Selected Political Writings by Niccolò Machiavelli; Hackett, 1994.
16. Gubser Michael, Heidegger Martin Being and Truth. *The Review of Metaphysics*, Vol. 70, No. 3, March 2017.
17. Groth Miles, Heidegger Martin, Contributions to Philosophy (of the Event). *The Review of Metaphysics*, Vol. 66, No. 2, December 2012.
18. Peter Bondanella, Mark Musa, *The Prince By Niccolò Machiavelli*; Oxford University Press, 1998.
19. Wilk Rafal Kazimier On Human Being: A Dispute between Edith Stein and Martin Heidegger. *Logos: A Journal of Catholic Thought and Culture*, Vol. 10, No. 4, Fall 2007.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Власов Роман Геннадьевич, доцент «Высшей бизнес-школы»,
кандидат философских наук
*Омский государственный педагогический университет
пр. Мира 32, г. Омск, Омская область, 644050, Российская
Федерация
vlasov.roman.russia@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Vlasov Roman Gennadevich, Associate Professor of “Higher business
school”, Ph.D
*Omsk State Pedagogical University
32, Mira Ave., Omsk, Omsk region, 644050, Russian Federation
vlasov.roman.russia@gmail.com
SPIN-code: 7326-3080
ORCID: 0000-0003-4513-1170
ReaseacherID: L-2021-2013
Scopus Author ID: 57204461872*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-6-77-96

УДК 1 (091)

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА
АНТИУТОПИИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА
В. ВОЙНОВИЧА «МОСКВА 2042»**

Грекова В.В.

Цель. В статье выявляются черты жанра утопии и антиутопии. Фантастичность, как правило, лежит в основе сюжетов обеих. Обе тяготеют к фантастической условности, и утопические и антиутопические произведения обращаются к теме будущего. Время, к которому относится сюжет утопии и антиутопии, – это, как правило, далекое будущее, которое измеряется небольшими отрезками или веками. Пространство, как правило, ограничено: это или отдельный город, или остров, или любое другое закрытое место. Однако в XX веке жанр антиутопии изменился и развился по сравнению с классическими представлениями о нем. Статья посвящена пересмотру жанровой специфики романа В. Войновича «Москва 2042». Предметом анализа выступает роман «Москва 2042». Автор ставит целью раскрыть социально-философскую подоплеку романа.

Метод проведения работы. В основе исследования находятся герменевтический, феноменологический и компаративистский методы, а также принцип историко-философской реконструкции.

Результаты. В. Войнович оценивает свой роман «Москва 2042» как роман-предупреждение. Автором статьи были выявлены черты антиутопического романа, социально-философского для своего времени.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены при дальнейшем изучении творчества В. Войновича, в образовательной, научной деятельности.

Ключевые слова: утопия; антиутопия; утопический тип сознания; XX век; роман В. Войновича «Москва 2042».

**GENRE SPECIFICITY
OF ANTI-UTOPIA ON THE EXAMPLE
OF V. VOYNOVICH'S NOVEL "MOSCOW 2042"**

Grekova V.V.

Purpose. *The article reveals the features of the genre of utopia and anti-utopia. Fantasticism, as a rule, is the basis of the plots of both. They gravitate to fantastic conventions, both utopian and anti-utopian works refer to the theme of future. The time to which the plot of utopia and anti-utopia relates is a distant future, which is measured in small segments or centuries. The space, as a rule, is limited: it is either a separate city, or an island, or any other closed place. However, in the 20th century the anti-utopian genre changed and developed in comparison with the classical ideas about it. The article is devoted to the revision of the genre specifics of the V. Voinovich's novel "Moscow 2042". The subject of analysis is the novel "Moscow 2042". The author sets the goal to reveal the socio-philosophical background of the novel.*

Methodology. *The study is based on hermeneutic, phenomenological and comparative methods, as well as the principle of historical and philosophical reconstruction.*

Results. *V. Voinovich estimates his novel "Moscow 2042" as a warning novel. The author of the article revealed the features of an anti-utopian novel, socio-philosophical for its time.*

Practical implications. *The research results can be applied in the further study of the work of V. Voinovich, in educational and scientific activities.*

Keywords: *utopia; anti-utopia; utopian type of consciousness; XX century; V. Voinovich's novel "Moscow 2042".*

Оставшись на Западе, Войнович примкнул к рядам русских эмигрантских писателей. Как один из представителей «третьей волны» эмиграции, которую составили деятели культуры, в той или иной степени пострадавшие от советской власти, Войнович, естественно,

продолжал открытую им еще в Советском Союзе тему борьбы против советского мифа. Работая над романом «Москва 2042» с 1980 года, он уже отчетливо представлял и стремился показать, чем может завершиться история советского мифа. Если первые критики называли этот роман новым анекдотом, то сегодня его жанр все чаще определяют как «роман-предупреждение» или как «роман-антиутопия».

Главный герой «Москвы» попадает в коммунистическую Москву середины XXI века и становится случайным свидетелем государственного переворота, подготовленного и осуществленного праворадикальными силами, стремившимися реставрировать монархию. Критики уже замечали, что главный герой этого произведения – пришедший в результате переворота к власти Карнавалов – шарж на Солженицына, который создается Войновичем для того, чтобы показать некоторые крайности и издержки политической доктрины «вождя русской эмиграции».

Критика отнесла роман «Москва 2042» к числу замечательных антиутопических произведений. Однако сам автор заявил: «...я не собирался писать антиутопию. Я искренне пытался хотя бы на бумаге улучшить реально существующую систему, избавить ее от всего, что мешает, добавить к ней, то, что не мешает». Писатель подчеркивает: «Мой роман, конечно же, не утопия, но и не антиутопия. Я считал и считаю его романом-предупреждением» [4, с. 8]. Жанровая специфика антиутопии в современной науке о литературе вызывает множество дискуссий.

Очень популярно мнение, что «XX век – антиутопический век». Антиутопия, может быть, один из самых интенсивно развивающихся жанров в литературе XX века. А. Зверев обобщил, что «XX век был для литературы, среди многого иного, веком антиутопий» [7, с. 336]. Причины этого он видит в характере исторической реальности нашего столетия. «Оно нуждалось в антиутопиях, чтобы осознать самое себя» [7, с. 336]. Во второй половине XX века особенно активное развитие получило явление антиутопии как типа мышления, литературного жанра. В современной литературе антиутопия как жанр занимает заметное место.

«Антиутопии XX века родились не из теоретических размышлений о вероятном, – пишет А. Зверев, – но из наблюдения над текущим, над историей, ломавшейся круто и драматически». Антиутопия – это результат переосмысления человечеством своей трагической истории в стремлении к фантастическому миру. «Наученная горькими уроками реальной истории, она уже не предлагает проектов рационально организованного социума» [7, с. 337].

В своей книге «Новое средневековье» Н. Бердяев заметил: «...утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой вопрос, как избежать окончательного их осуществления...» [1, с. 121].

По словам Зверева, жанры «создает время» [7, с. 336]. Великими антиутопиями в европейской литературе XX века стали роман О. Хаксли «О дивный мир» и роман Д. Оруэлла «1984». Учитывая время создания и влияние, исследователи пришли к выводу: у истоков русской литературной антиутопии, безусловно, стоит Евгений Замятин, хотя написанный им в 1920-е годы роман «Мы» не публиковался на родине автора при его жизни. Среди других авторов антиутопии в русской литературе можно назвать Андрея Платонова, Валерия Брюсова, Александра Богданова, а среди современных – больше всего писателей «третьей волны» эмиграции – это Василий Аксенов, Владимир Войнович, Георгий Владимов и другие.

Уже с конца 1970-х годов один за другим появились «условно-метафорические» (термин Г.Л. Нефагиной) произведения, наделенные антиутопическими мотивами. В условиях подцензурной литературы, не имея возможности открыто высказать правду, писатели обращались к фантастике, создавали условный мир. К середине 1980-х годов «миф, сказка, научная концепция, фантазмагория образуют причудливый, но узнаваемый современный мир»: [15, с. 75] «Альтист Данилов» и «Аптекарь» Вл. Орлова, «Живая вода» В. Крупина, «Белка» А. Кима, «Кролики и удавы» Ф. Искандера. Писатели, используя фантастические приемы, показывали абсурдную суть реальности.

После распада Советского Союза в русской литературе конца прошлого века наблюдался мощный всплеск антиутопического

настроения. В результате резко повысилась восприимчивость художников к жанровому языку антиутопии. В связи с перестройкой, в конце 1980-х и начале 1990-х годов в России появляется новый подъем литературной антиутопии. В 1990 году в журнале «Юность» № 1–5 был опубликован роман-антиутопия В. Аксенова «Остров Крым», «Рассказ об Ане и человечестве» Е. Зозули, на фоне возвращения к русскому читателю романа Е. Замятина «Мы», повести М. Булгакова «Роковые яйца» и платоновского «Чевенгура». Это совпало с возвращением к читателю классических антиутопий Хаксли и Оруэлла. Почти в то же время появилось русское издание романа Войновича «Москва 2042» (1986).

Роман «Москва 2042» Войновича при субъективном отказе автора использовать это жанровое определение, написан по канонам антиутопии. Это признают многочисленные критики романа. Большинство склонны к принятию следующего резюме: «Все еще сохраняя свою основную функцию предупреждения, свои типовые структурные элементы формы и содержания, жанр антиутопии, тем не менее, постепенно размывается: все менее четкими становятся его границы, он контаминируется с другими жанрами, и в свою очередь дробится на более мелкие» [13, с. 116]. И происходит это, прежде всего, оттого, что писатели-антиутописты приходят «в своих творческих поисках к сатирической конкретности, злободневности, выявляя болевые точки своего времени» [13, с. 117].

В 1960-е годы Владимир Войнович, провозглашая «Хочу быть честным», стал одним из тех писателей, кто стремился раскрыть правду, рассказывая об отрицательных явлениях. Однако, «каждое разоблачение обмана работало на улучшение общества... Писатели, входящие в этот список... практически создавали идеальное общество не в утопическом будущем, а в реальном настоящем» [2, с. 162]. Отметим еще раз, что, говоря об истории создания романа «Москва 2042», Войнович заявил, что он и «не собирался писать антиутопию», а, пытаясь «хотя бы на бумаге улучшить реально существующую систему», хотел «избавить ее, так сказать, от всего, что мешает, добавить к ней, то, что не мешает. Но куда ни тыкался,

натякался на тупики» [4, с. 531]. В то же время он не менее откровенно признавался в своем неприятии жанра утопии: «Любая утопия, будь она хорошая или плохая, непременно порождает мерзкие методы, потому что утопия неосуществима в принципе. Пытающиеся ее реализовать сталкиваются с невозможностью это сделать – и неизбежно применяют силу... Кажется, ну еще немного, пожертвуем этим, уьем еще вот этих, а потом все у нас будет хорошо... а в конце концов утопия вовлекает в преступление все большее количество людей» [4, с. 532].

И тем не менее, современные исследователи все чаще обращают внимание на тот факт, что роман-антиутопия в творчестве Войновича появился совсем не случайно. «...К идее негативной утопии писатель пришел постепенно. Вначале была утопия. В романе «Степень доверия», повествующем о судьбе Веры Фигнер, известный революционер Николай Морозов так говорит о будущем устройстве общества: «Жизнь будет совсем не похожа на теперешнюю. Все люди будут здоровые, красивые и сильные. Все будут заниматься физическим трудом поровну и понемногу. Свободное время они будут отдавать науке и искусству. Тогда даже сам город преобразится совершенно. Все крыши домов будут в один уровень, и все они будут плоские, как палубы пароходов... По нижним улицам будут ездить, а по верхним исключительно ходить». «Фанатизм Морозова, – пишет ученый, – конечно, выглядит несколько нежизненным и детским, но не выбивается из общего контекста романа. Возможно, это сознательное желание автора представить Морозова как некоего идеалиста, далекого от жизни, чтобы не писать об утопии всерьез, но это – утопия. Революционер, что характерно, ни слова не говорит о средствах достижения цели, потому что Войновичу уже тогда было ясно, что средства эти неприглядны» [9, с. 530].

В понимании замысла подлинно, открыто, откровенно антиутопического романа Войновича важное значение имеет его заглавие. Не случайно писатель определил время действия романа и отнес его на 60 лет вперед. В одном из интервью писатель сказал, что сначала он назвал роман «Москва 2030», хотел заглянуть на пятьдесят лет

вперед, но потом «прибавил десять льготных лет» [9, с. 531]. Всем известно, что ровно за 60 лет до того, как Войнович начал писать роман «Москва 2042», 30 декабря 1922 года была принята декларация об образовании Союза республик, СССР. В 1982 году Советскому Союзу исполнилось 60 лет. Автор умножил это число в два раза и устроил своему герою путешествие вперед на столько же лет, сколько лет существовал социализм, то есть до 2042 года. Это был контрольный срок проверки последствий социального эксперимента, и это входило в концепцию романа-предупреждения.

Как мы уже замечали, время создания романа «Москва 2042» совпало с сотрудничеством писателя с радиостанцией «Свобода». Это была эпоха, когда Войнович много выступал как публицист, написал огромное количество публицистических статей, материал и стиль которых свидетельствуют о непрерывности процесса подготовки к созданию антиутопии. Обращаясь к антиутопической фантастике, Войнович продолжал редактировать свой роман, обогащая его поэтику. Вся напряженная литературная работа сказалась прежде всего на эстетической составляющей текста.

Очевидно, как фантастика, антиутопический роман «Москва 2042» Войновича имеет определенное композиционно-типологическое сходство с традиционными фантастическими жанрами европейской прозы, сюжеты которых основаны на путешествии героев. Сюжет романа «Москва 2042» построен на путешествии писателя Виталия Карцева по Москорепу (Московская ордена Ленина Краснознаменная Коммунистическая Республика): на космическом корабле писатель Виталий Карцев опередив свое время на 60 лет, прилетел в Москву 2042 года, ему довелось посетить единственную коммунистическую республику, построенную в отдельно взятом городе Москве.

Вопреки теории о победе коммунизма во всем мире Гениалисимум решил построить коммунизм сначала в отдельно взятой Москве. Для этого в столице был произведен «качественный отбор людей». За месяц до объявления коммунизма из Москвы были выселены «асоциальные элементы», в том числе не только алкоголики,

хулиганы, но и евреи, диссиденты, даже инвалиды и пенсионеры. Студенты были направлены в отдаленные строительные отряды, а школьники в пионерские лагеря.

В «очищенной» Москве классовое расслоение заменено иной разделяющей фильтрацией. Оставшиеся в Москве были разделены на несколько разрядов в соответствии с их физическими данными, самое главное, с их должностью, степенью участия в общественной работе, с уровнем постижения содержания трудов Гениалиссимуса. Органы власти не только не уничтожены, – напротив, их функции усилены. Создано БЕЗО и разные Пятиугольники, определяющие потребности комунян: бытовые, пищевые, моющие, сексуальные, для которых построен «дворец любви».

Созданное писателем пространство антиутопии, населенное отфильтрованными комунянами, не различающимися по половому признаку, личные имена которых упразднены как проявление преступной тяги к разъединению, все носят одинаковую форму, по аналогии с обращением «товарищ», называют друг друга: «комсорт» (коммунистический соратник).

Здесь царит насилие над жизнью, с человеком обращаются, как с какой-нибудь мухой. Сначала с ним проводят разные опыты, а потом аннигилируют, бальзамируют и кастрируют. Человек под давлением диктатора становится материалом для эксперимента, благодаря которому воспроизводится заданная модель. Исследуя антиутопии XX века, Зверев отметил: «У Замятина “мы” – не масса, а социальное качество. В Едином Государстве исключена какая бы то ни было индивидуальность. Подавляется самая возможность стать “я”, тем или иным образом выделенным из “мы”. Наличествует только обезличенная энтузиастическая толпа, которая легко поддается железной воле Благодетеля» [7, с. 341].

В 1990-е годы реальная история подвела к обобщениям, определениям тоталитарных систем, спрогнозированных в антиутопиях почти буквально. «Существование культов нашло выражение в различных формах. Это и придание высшего авторитета всем мыслям, высказываниям, сочинениям объекта поклонения, и распро-

странение повсюду его портретов и скульптур, и название его именем городов, предприятий, и обязательное упоминание его на всех официальных и просто публичных собраниях, в лозунгах, вплоть до включения в Германии его имени в бытовое приветствие “Хайль Гитлер!” и т.д.» [18, с. 32].

В соответствии с главной задачей «превратить мир в свою творческую лабораторию» [14, с. 144], в Москорепе был создан специальный ИНСОНОЧЕЛ – Институт Создания Нового Человека. Здесь люди без различия пола, возраста и званий. Комуныне решили вывести новую породу людей, для разных нужд будут выводить разные породы. В результате эксперимента в романе выведено такое существо, как Супик, «отредактированный супермен», «не женщина, не мужчина, но и не гермафродит» [3, с. 299]. Гротесковые детали заставляют воспринимать этот образ как сатирическое предвидение тех перемен, которые легко и вполне могут стать реальностью.

В жанровой природе романа-антиутопии сюжет, как правило, соотносится с условно-мифологическим мотивом, часто утопического происхождения. Характеры антиутопии также моделируются как некие фигуры, функции которых автоматически предопределены сюжетом и придают ему динамичность, художественную убежденность.

Главной темой многих антиутопий является раскрытие существенных черт тоталитарного общества. О. Лазаренко считает, что «жанровая задача антиутопии – показать сложность отношений личности с государством» [10, с. 76]. Представляется, что это не совсем точно. Антиутописты взяли на себя задачу не только «показать сложность», но и раскрыть непримиримые контрасты системы, полностью обнажить античеловечность власти.

В романе Замятина «Мы» во главе Единого Государства стоит некто, именуемый Благодетелем. У Оруэлла искусственного бога называют Старшим братом. В романе «Москва 2042» он носит титул Гениалиссимуса. Несмотря на разные названия, им противопоставляются обезличенные «мы», носящие номера вместо собственных имен. Люди в таком режиме становятся предметом тотальной пе-

реработки: «Партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но, прежде всего – как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идейными установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения» [17, с. 39], – записано в программе КПСС.

Обезличенность как важная грань в концепции антиутопии породила в романе Войновича стихию переименования персонажей, выбор имен. Имена и фамилии комунян в романе Войновича отличаются очевидной идеологичностью и гротесковой условностью, часто эти имена персонажей скорее всего являются определенными знаками, характерны для тоталитарного режима и обладают большой ассоциативностью. Например: *Главкомпис* республики и председатель юбилейного Пятиугольника, генерал-лейтенант литературной службы Коммуний Иванович (за глаза подчиненные называют его Кому-Не-Иванович) Смерчев. Имя *Коммуний* не требует комментариев. Члена юбилейного Пятиугольника, первого заместителя Главкомписа по БЕЗО зовут Дзержин. Намек на фамилию Дзержинского, символ большевистской жестокости к безвинным людям, сознательно введен автором. В составе литературного органа есть женщина по имени Пропаганда, что полностью совпадает с ее функцией в этом обществе. Остальные члены этого органа – это Отец Звездоний и Искрина. Пятиугольник, управляющий обществом, – это политика, жестокость, идеологичность, религиозность и революционная утопичность. Символика «пятиединства» реализована.

В основе создания образа Гениалиссимуса – языковая игра, построенная на ассоциациях с реальными, закодированными в массовом сознании штампами: Гениалиссимус – «человек на все времена» [3, с. 198]. «...Количество прожитых лет для Гениалиссимуса не имеет никакого значения, потому что он вечно живой» [3, с. 197], отличается еще исключительной скромностью. Учитывая все эти его звания и особенности, люди называли его «наш гениальный генеральный секретарь и генералиссимус. И он много раз просил нас всех называть его как-нибудь попроще, покороче и поскромнее.

Ну и, в конце концов, привилось такое вот простое и естественное имя – Гениалиссимус» [3, с. 197].

Под лозунгом атеизма комуняне выступают против религии, веры в Бога. Однако, борясь с религиозными мифами, они создают новые, оставаясь в цепких объятиях советской мифологии. Гениалиссимус – это сотворенный новым мифом бог в лице Вождя. В Москорепе вместо того, чтобы креститься, люди звездятся. Звездение в этом обществе – символ патриотизма, в Москорепе партия, идеология – синоним религии. Имена космонавтов-супругов Солнцевых – Ракета и Гелий. Для их ребенка, которого они надеются родить к 67-му съезду партии уже заранее приготовили имя Съездий. Руководителя отряда космонавтов зовут Прогресс.

По замыслу автора, образ Гениалиссимуса – пародия на диктаторов, в первую очередь, на Сталина. Само название «Гениалиссимус» – это пародия на слово «генералиссимус», которое обозначает высшее воинское звание. В Большом советском энциклопедическом словаре отмечено, что в СССР звание генералиссимуса Советского Союза было присвоено только И.В. Сталину. Вообще в XX веке звание генералиссимуса имели немногие, это испанский лидер Ф. Франко, китайский – Чан Кайши, северокорейский – Ким Ир Сен и ряд других. Все вышеназванные фигуры без исключения относятся к числу самых жестоких диктаторов, культ личности этих правителей достиг самых верхних пределов.

При этом надо иметь в виду, что роман «Москва 2042» – это художественное произведение, а не публицистика, тем более не карикатура, поэтому свое предельное отрицание культа личности Войнович выразил в гротесковом и пародийном по сути своей образе Сима Сымыча Карнавалова. Но считать роман-предупреждение «Москва 2042» пародией на какого-то одного, конкретного человека было бы не верно. Не отрицая некоторого сходства между литературным образом Карнавалова и А. Солженицыным, Войнович подчеркивает: «...я бы хотел, чтобы в России исчезла почва для возникновения культа личности, чтобы все люди понимали, что Сталин или Солженицын не какие-нибудь сказочные богатыри (во

что, кажется, они сами верили), а просто люди» [5, с. 202]. В раскрытии этого мифа автор романа-предупреждения хочет показать, что «культы любых личностей» ему всегда отвратительны [6, с. 250].

Б. Ланин напомнил о высказывании английского литературоведа Роберта Портера о том, что «у Войновича в его романе высмеиваются нравы эмигрантов, их претенциозность и идеи мессианства. А также тоталитарные тенденции государства» [11, с. 167].

Роман Войновича как «роман-предупреждение» с новой стороны раскрывает характер массового психоза, массового перерождения психологии людей 2042 года. Писатель воссоздает ситуацию безумного карнавала жизни (вспомните «говорящую» фамилию Карнавалов). Эта ситуация создается в романе разными художественными средствами. Но если карнавал в истинном смысле этого слова обозначает народный праздник на улицах, по которым растекаются безбрежные карнавальные толпы, всегда звучит смех, то у Войновича это «псевдокарнавал» (термин Б. Ланина), который основан на ужасе и страхе. Ланин так раскрывает этот термин: «Для нас мир антиутопии – это мир окостеневшего ритуала, мир псевдокарнавала, где амбивалентность смеха подменена абсолютным страхом, где разрыв дистанции между людьми преодолевается не иронией и насмешкой, а доносом, где шутовские забавы и многочисленны обряды, связанные с производительной силой земли, вытесняются организованным свыше “умеренным”, регламентированным разрывом» [12, с. 16].

Время создания антиутопий – особая эпоха, разрушившая историческое и культурное сознание в его традиционном понимании, наделившее мир человека специфическим ощущением реальности, адекватной мифу. Автор «Словаря культуры XX века» В.П. Руднев считает, что в XX веке миф, как «особое состояние сознания, исторически и культурно обусловленное» [19, с. 169], «стал одной из важнейших культурных категорий» [19, с. 170]. «Это такое состояние сознания, которое является нейтрализатором между всеми фундаментальными культурными бинарными оппозициями, прежде всего между жизнью и смертью, правдой и ложью, иллюзией

и реальностью. Вот почему во времена тоталитарного сознания, например, во времена сталинских репрессий, миф действует так безотказно» [19, 170]. Когда арестовывают всю семью или ни в чем не виноватых людей, все границы между правдой и ложью уничтожаются дотла. Люди не могли психологически удерживать в себе это непосильное для них знание, они вынуждены были заставить себя верить в ложь, чтобы продолжать жить. Так сама жизнь становилась мифом, оппозиционные вещи как это показано в романе, стали тождественными в сознании людей: свой – чужой, злодей – жертва, герой – враг, вождь – тиран.

Наряду с тождествами оппозиций в стилистике романа присутствуют антитезы: свой – чужой, народ – государство, мы – я, свобода – власть, которые лежат в основе сюжетно-композиционной структуры романа «Москва 2042»; при создании хронотопа реализуются пространственная оппозиция: здесь – там (Кольца Враждебности – Кольцо Коммунизма), временная оппозиция: наше время (прошлое) – настоящее, коммунистическое. Будущее, в антиутопии – это продленное настоящее, поэтому время перестает двигаться, и все происходящие перемены не имеют качественного значения. «Реальное и антиутопическое переплетаются в ткани произведения. И этот синтез становится неотъемлемой чертой современных антиутопий, принадлежащих В. Аксенову, В. Войновичу, А. Кабакову, А. Терцу (А. Синявскому) и др.» [20, 122].

Оппозиция между личностью и коллективом, властью и народом – существенная проблема тоталитарного общества. В ее раскрытии заключается жанровая задача антиутопии. Антитеза власти и народа организует в художественном тексте романа главный композиционный центр, имитирующий псевдобиблейское строение вселенной, где синонимом первотворца стал Человек, олицетворенная Власть. Принимая разные обличья: Благотетеля, Старшего брата, Вождя, Отца или, как у Войновича, Гениалиссимуса, – эта разрушающая сила несет в себе энергию всеобщего апокалипсиса.

В романе пародированию подвергается большевистская идея построения коммунизма в одной отдельно взятой стране: здесь вождь

приходит к «гениальному решению, что коммунизм можно и нужно для начала построить в одном, отдельно взятом городе» [3, 125]. Для выполнения этой программы трудились не только сами москвичи, «со всей страны свозились запасы продовольствия и товаров ширпотреба» [3, 205]. Была и помощь из-за границы, со стороны вражеских стран. В результате чего «задолго до объявления коммунизма на московские склады были доставлены запасы лучшего качества, иностранного происхождения», в том числе даже есть «изготовленные в Германии различные сорта двухслойной туалетной бумаги в горошек и с пупырышками» [3, 205]. Железный занавес представлен в виде трех колец, окружающих Москву.

Замкнутость, изолированность пространства, самозащищенную социальную структуру мы можем видеть и у других писателей, работающих в жанре антиутопии: зеленую стену в романе «Мы», ограду с электрическими проводами у О. Хаксли, закрытые границы Оксании у Дж. Оруэлла. Это типологическое сходство сюжетного пространства всех антиутопий в романе Войновича конкретизировано организующей большевистской идеей.

В отличие от фантастики вообще и тем более научной фантастики антиутопия как жанр несет в себе задачи переосмысления социальных категорий, политических концепций, идей государственно-го и классового устройства и революционных схем переустройства обществ. Отсюда неременная заданность в самой художественной ткани произведения, в стиле, в системе образов, стремление апеллировать к социологии, политике, идеологии при нахождении для этих размышлений эстетических романских форм реализации. Естественно, что присутствие публицистических элементов обусловлено природой жанра антиутопии.

Для антиутопии характерно философское осмысление истории, пристальное внимание к социальным проблемам современного общества. Полемика с современными мифами об идеальном устройстве вызывает необходимость в публицистических элементах в стиле антиутопии: суждения о государстве, партии, большевиках, власти и т.д. Подчас это ведет к измене монологизации авторской

речи, ослабляет сюжет, отводит персонажам фоновую, иллюстративную роль.

Для жанра антиутопии не типичен портрет как способ характеристики личности. На первом плане часто не индивидуальный образ человека, а его функция, место в схеме действия, связи, столкновение, все это попадает в прямую зависимость от решения проблем социального характера. Эмблематика, маркировка образов выполняют иные задачи, нежели отчетливая индивидуализация личности.

Главный герой романа «Москва 2042» писатель Виталий Карцев – представитель писателей-диссидентов, в известной степени, рупор авторских идей. В начале романа Карцев о себе сказал: «Я стал диссидентом, меня исключили из Союза писателей и даже собирались посадить...». В серьезных спорах о литературных вопросах устами героя автор высказывает свое мнение о литературе вообще, в частности, отношение к реализму, фантастике, детективу, Жюль Верну, Оруэллу. Отрицая тех, кто считает реализм «вчерашним днем литературы», Карцев отметил, что не отпала потребность в литературе, изображающей реальную жизнь людей. По его мнению, «детектив, это вообще не литература, а чепуха, вроде электронных игр, которые способствуют развитию массового идиотизма» [3, с. 13]. Эти слова совпадают с аналогичными взглядами писателя Войновича, высказываемыми им в различных интервью. Открытой для читателя, исходя из его логики, останется только антиутопия. «Войдя внутрь нее не на правах зрителя, а на правах персонажа» [16, с. 214], стать причастным ко всему происходящему – этот молчаливый призыв писателя организует художественную идею его «Москвы» – текста, обладающего огромным количеством метажанровых характеристик, объединившего, аккумулировавшего такие разнородные явления, как фантастика, реализм, постмодернизм, интертекст, пародия, и т.д. Существует мнение, что это связано с тем, что современная антиутопия прежде всего как жанр утратила свои базовые, определяющие свойства. По словам Вл. Новикова «антиутопия уже тяготеет к взаимодействию с другими жанрами и, возможно, растворению в них. Сама жанрово-композиционная

структура антиутопии сделалась уже столь ощутимой и прозрачной, что ее дальнейшая эксплуатация чревата подражательностью, эпигонством» [16, с. 214].

Зверев считает, что заслуга антиутопии в том, что она по-своему и на большой глубине «осмыслила этот социальный и духовный процесс, не для того, чтобы самой впасть в мистическое отрицание, но с целью отказаться от мифов, указать тупики, облегчив поиск их преодоления» [8, с. 15]. Вот это, может быть, является важным пунктом для понимания того, почему Войнович считает свой роман «Москва 2042» романом-предупреждением. «Я хотел сказать, что, если советское общество не свернет с когда-то избранного пути, не откажется от когда-то признанных догм, – пишет Войнович, – оно придет к той действительности, которая описана в романе» [4, с. 531].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что Владимир Войнович, с одной стороны, блистательно продолжил классическую антиутопическую традицию, но в то же время обогатил этот жанр индивидуальными художественными приемами, в результате под его пером антиутопия преодолела узкие рамки жанра.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Николай. Философия творчества, культуры и искусства. М.: Изд-во Искусство, 1994. Т. 1. 517 с.
2. Вайль П.Л., Генис А.А. 60-е. Мир советского человека. М., Изд-во Corpus, 2013. 432 с.
3. Войнович В.Н. Москва 2042. М.: Эксмо, 2007. 384 с.
4. Войнович В.Н. Я вернулся... (Беседа с писателем / Записала И. РИШИНА) // Войнович В. Малое собр. соч.: В 5 т. М., Фабула, 1993. Т. 3. 561 с.
5. Войнович В.Н. «Я не хочу “тише, тише” – я хочу “громче, громче”...» / Беседа с писателем. Записал А. Кузнецов // Вопросы литературы. 1997. № 1. С. 196–209.
6. Войнович В.Н. Из русской литературы я не уезжал никуда. // Русское богатство. 1994. №1. С. 238–253.

7. Зверев А.М. Зеркала антиутопий // Антиутопия XX века. М.: Книжная палата, 1989. С. 332–339.
8. Зверев А.М. Когда пробьет последний час природы... / Чему учит антиутопия? // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 42–49.
9. Касимов М.Б. Роман В. Войновича «Москва 2042» как постмодернистская антиутопия // Постмодернизм: теория и практика современной русской литературы. СПб, 2004. С. 524–532.
10. Лазаренко О.В. Мифологическое сознание в антиутопии XX века и романе А. Платонова «Чевенгур» // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1994. Воронеж, Вып. 3. С. 74–81.
11. Ланин Б.А. Жанровые функции пародирования в антиутопии («Москва 2042» Владимира Войновича) // Ланин Б. А. Русская литературная антиутопия. М.: Алконост, 1993. 198 с.
12. Ланин Б.А. Мир без женщин, или Целомудренность разврата // Общественная наука и современность. 1994. № 2. С. 12–18.
13. Мокрова М.В. «Мы» Е. Замятина и «Москва 2042» В. Войновича. К проблеме трансформации жанра антиутопии в XX веке // Творческое наследие Е. Замятина. Взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы докладов: В 10 кн. Тамбов, 1997. Кн. 9. С. 114–124.
14. Московская Д.Б. Человек в ловушке воплощенного слова: антиутопия 30-х годов // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 141–151.
15. Нефагина Г.Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х гг. XX в. Минск: Экономпресс, 1998. 231 с.
16. Новиков В.И. Возвращение к здравому смыслу // Знамя. 1989. № 7. С. 205–215.
17. О реформе общеобразовательной и профессиональной школы: Сб. документов и материалов. М.: Политиздат, 1984. 148 с.
18. Религия мира / Под ред. Я.Н. Щапова. М.: Кнорус, 1994. 416 с.
19. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. 384 с.
20. Тимофеева А.В. Жанровое своеобразие романа–антиутопии в русской литературе 60–80-х годов XX века. М.: Кнорус, 1995. 154 с.

21. Шохина В. В. Восемнадцатое брюмера генерала Букашева // Октябрь. 1992. № 3. С. 189–205.

References

1. Berdyaev N.A. Novoe srednevekov'e [New Middle Ages]. *Berdyaev Nikolay. Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva* [Berdyaev Nikolay. The philosophy of creativity, culture and art]. M.: Publishing house Art, 1994. V. 1. 517 p.
2. Vayl' P.L., Genis A.A. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [60s. The world of Soviet man]. M., Corpus Publishing House, 2013. 432 p.
3. Voynovich V. N. *Moskva 2042* [Moscow 2042]. M.: Eksmo, 2007. 384 p.
4. Voynovich V.N. Ya vernulsya... (Beseda s pisatelem / Zapisala I. Rishina) [I returned ... (Conversation with the writer / Recorded by I. Rishin)]. *Voynovich V. Maloe sobr. soch.* [Voynovich V. Lesser Sobr. cit.]: In 5 vol. M., Fabula, 1993. V. 3. 561 p.
5. Voynovich V.N. «Ya ne khochu "tische, tische" – ya khochu "gromche, gromche" ...» / Beseda s pisatelem. Zapisal A. Kuznetsov ["I do not want "quieter, quieter" – I want "louder, louder" ..."] / Conversation with the writer. Recorded A. Kuznetsov]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1997. No. 1. P. 196–209.
6. Voynovich V.N. Iz russkoy literatury ya ne uezzhal nikuda [I did not leave anywhere from Russian literature]. *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth]. 1994. No. 1. P. 238–253.
7. Zverev A.M. Zerkala antiutopiy [Mirrors of anti-utopia]. *Antiutopiya XX veka* [Anti-utopia of the twentieth century]. M.: Book Chamber, 1989. P. 332–339.
8. Zverev A.M. Kogda prob'et posledniy chas prirody... / Chemu učit antiutopiya? [When will the last hour of nature strike ... / What does dystopia teach?]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. 1991. No 1. P. 42–49.
9. Kasimov M.B. Roman V. Voynovicha «Moskva 2042» kak postmodernistskaya antiutopiya [Roman V. Voynovich "Moscow 2042" as a post-modern anti-utopia]. *Postmodernizm: teoriya i praktika sovremennoy*

- russskoy literatury* [Postmodernism: theory and practice of modern Russian literature]. St. Petersburg, 2004. P. 524–532.
10. Lazarenko O.V. Mifologicheskoe soznanie v antiutopii KhKh veka i romane A. Platonova «Chevengur» [Mythological consciousness in dystopia of the twentieth century and A. Platonov's novel "Chevengur"]. *Filologicheskie zapisi: Vestnik literaturovedeniya i yazykoznaneya* [Philological records: Bulletin of literary criticism and linguistics]. 1994. Voronezh, vol. 3, pp. 74–81.
 11. Lanin B.A. Zhanrovye funktsii parodirovaniya v antiutopii («Moskva 2042» Vladimira Voynovicha) [Genre functions of parody in anti-utopia (Moscow 2042 by Vladimir Voinovich)]. *Lanin B. A. Russkaya literaturnaya antiutopiya* [Lanin B. A. Russian literary anti-utopia]. M.: Alkonost, 1993. 198 p.
 12. Lanin B.A. Mir bez zhenshchin, ili Tselomudrennost' razvrata [A world without women, or the chastity of debauchery]. *Obshchestvennaya nauka i sovremennost'* [Social Science and Modernity]. 1994. No. 2. P. 12–18.
 13. Mokrova M.V. «My» E. Zamyatina i «Moskva 2042» V. Voynovicha. K probleme transformatsii zhanra antiutopii v KhKh veke ["We" E. Zamyatin and "Moscow 2042" V. Voinovich. To the problem of transformation of the dystopian genre in the twentieth century]. *Tvorcheskoe nasledie E. Zamyatina. Vzgl'yad iz segodnya. Nauchnye doklady, stat'i, ocherki, zametki, tezisy dokladov* [Creative heritage of E. Zamyatin. A look from today. Scientific reports, articles, essays, notes, abstracts]: In 10 books. Tambov, 1997. Book. 9. P. 114–124.
 14. Moskovskaya D.B. Chelovek v lovushke voploshchennogo slova: antiutopiya 30-kh godov [Man in the trap of the embodied word: dystopia of the 30s]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 1993. No. 3. P. 141–151.
 15. Nefagina G.L. *Russkaya proza vtoroy poloviny 80-kh – nachala 90-kh gg. XX v.* [Russian prose of the second half of the 80s - beginning of the 90s. XX century]. Minsk: Ekonompress, 1998. 231 p.
 16. Novikov V.I. Vozvrashchenie k zdravomu smyslu [Return to common sense]. *Znamya* [Banner]. 1989. No. 7. S. 205–215.

17. *O reforme obshcheobrazovatel'noy i professional'noy shkoly: Sb. dokumentov i materialov* [On the reform of secondary and vocational schools: Sat. documents and materials]. M.: Politizdat, 1984. 148 p.
18. *Religiya mira* [Religion of the world] / Ed. Y. N. Shchapov. M.: Knorus, 1994. 416 p.
19. Rudnev V.P. *Slovar' kul'tury XX veka* [Dictionary of culture of the twentieth century]. M.: Agraf, 1999. 384 p.
20. Timofeeva A.V. *Zhanrovoe svoeobrazie romana–antiutopii v russkoy literature 60–80-kh godov XX veka* [Genre originality of the novel-dystopia in Russian literature of the 60–80s of the XX century]. M.: Knorus, 1995. 154 p.
21. Shokhina V.V. Vosemnadsatoe bryumera generala Bukasheva [Eighteenth Brumaire General Bukasheva]. *Oktjabr* [October]. 1992. No. 3. P. 189–205.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Грекова Валерия Владимировна, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин
*Тихоокеанский Государственный Медицинский Университет
пр-т Острякова, 2, г. Владивосток, Приморский край, 690002,
Российская Федерация
shika9119@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Grekova Valeriia Vladimirovna, Senior Teacher, Department of Humanities
*Pacific State Medical University
2, Ostryakova ave., Vladivostok, Primorsky Krai, 690002, Russian Federation
shika9119@gmail.com*

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-6-97-109

УДК 1.740

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ
МИГРАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ
ОТНОШЕНИЯ ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА
В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Муратқызы Арман

***Актуальность.** В данной статье рассматривается социально-экономическое положение, национальный состав и состояние миграционных процессов в Республике Казахстан в условиях глобализации; проанализирована специфика проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего сообщества в приграничных регионах.*

***Цель** – выявить специфику современной миграционной ситуации в Казахстане и приграничных регионах России; определить факторы, влияющие на миграционную подвижность многочисленных этносов республики; проанализировать направления государственной политики по управлению миграционными процессами в республике.*

***Предмет исследования.** Миграционная активность населения в Республике Казахстан и приграничных регионах Российской Федерации (на примере Восточно-Казахстанская область).*

***Метод или методология проведения работы.** Основу исследования образуют общесоциологические принципы историзма и социального детерминизма; используется комплексный подход к изучению процесса миграции населения.*

***Научная новизна:** выявлены особенности социально-экономического положения, национального состава и состояния миграционных процессов в Республике Казахстан в условиях глобализации; проанализированы миграционные процессы и миграционная актив-*

ность населения Республики Казахстан и приграничных регионов России; определены специфика проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего сообщества в приграничных регионах (материалы социологических исследований).

Результаты. Результаты работы заключаются в том, изучение проблем безопасности общества и миграции населения, их влияния на жизнь современного казахского общества, мнение людей о миграционной ситуации в стране. Социологические исследования особенностей проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего сообщества в приграничных регионах показали преобладание положительного отношения населения к мигрантам.

Область применения результатов. Результаты исследования и полученные выводы можно использовать в процессе преподавания теории и истории социологии, при подготовке специальных курсов по социологии миграционных процессов, учебных пособий и хрестоматий.

Ключевые слова: миграция; мигранты; внешняя миграция; эмиграция; приграничная территория; Казахстан.

THE CHARACTERISTICS OF THE MANIFESTATION OF MIGRATION ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP OF THE HOST COMMUNITY IN BORDER REGIONS (BASED ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH OF EAST KAZAKHSTAN REGION)

Muratkyzy Arman

Urgency. This article defines the socio-economic situation, national composition and state of migration processes in the Republic of Kazakhstan in the context of globalization; the features of migration activity in the context of the host community in the border regions.

The purpose – to identify the specifics of the current migration situation in Kazakhstan and the border regions of Russia; to determine the

factors affecting the migration mobility of numerous ethnic groups of the Republic; to analyze the direction of state policy on migration management in the country.

Subject of research. *Migration activity of the population in the Republic of Kazakhstan and border regions of the Russian Federation (on the example of East Kazakhstan region).*

Method or methodology of the work. *The study is based on the General sociological principles of historicism and social determinism; a comprehensive approach to the study of migration is used.*

Scientific novelty: *the features of the socio-economic situation, national composition and state of migration processes in the Republic of Kazakhstan in the context of globalization are revealed; migration processes and migration activity of the population of the Republic of Kazakhstan and border regions of Russia are analyzed; the specificity of the manifestation of migration activity in the context of the host community in the border regions (materials of sociological research).*

Results. *The results of the work are the study of the problems of social security and migration, their impact on the life of modern Kazakh society, the opinion of people about the migration situation in the country. Sociological studies of the features of the manifestation of migration activity in the context of the host community in the border regions showed a positive assessment of the population of migration processes in the Republic of Kazakhstan and attitudes to migrants.*

Scope of results. *The results of the study and the findings can be used in the teaching of the theory and history of sociology, in the preparation of special courses on the sociology of migration processes, textbooks and anthologies.*

Keywords: *migration; migrants; external migration; emigration; border area; Kazakhstan.*

С середины прошлого века трудовая миграция между странами стала все более заметной и охватила все страны мира. Миграция – это социальное явление, влияющее на социально-экономическое развитие страны и на качество жизни его населения: естественное

движение, возрастно-половую структуру, национальный и религиозный состав, фонды труда, социально-экономическое развитие...

В связи с этим актуально изучение миграционного процесса в Республике Казахстан и приграничных регионах России, его динамика, направления и объем. Для правильного управления обществом и проведения эффективной социально-экономической политики необходимо уметь ориентировать объемы миграционных потоков и состав мигрантов, определять факторы вызывающие миграцию и последствия миграции.

Цель социологических исследований – изучение проблем безопасности общества и миграции населения, их влияния на жизнь современного казахского общества, мнения людей о миграционной ситуации в стране и в регионе.

Объект исследования - миграция в Казахстане как социальное явление и социальный процесс (на примере Восточно-Казахстанской области).

Современные миграционные процессы сопровождаются сложными социальными явлениями и тесно связаны с развитием и размещением производительных сил. Наибольший удельный вес миграции позволяет эффективно использовать трудоемкие ресурсы, способствовать экономическому развитию с переселением в индустриальные центры, освоением территорий. Многие специалисты в этой области утверждают, что интенсивность миграции населения является показателем развития экономики страны или республики [1].

Россия имеет самую протяженную сухопутную границу с Казахстаном (7248,2 км), приграничные территории со стороны Казахстана – это 7 областей (Актюбинская область, Атырауская область, Восточно-Казахстанская область, Западно-Казахстанская область, Костанайская область, Павлодарская область, Северо-Казахстанская область), в которых находится 38 районов, 1 город. В России – это Алтайский край, Республика Алтай и 9 областей (Астраханская, Волгоградская, Новосибирская, Омская, Оренбургская, Самарская, Саратовская, Тюменская, Челябинская), включающих 76 районов и 5 городов.

В результате обработки данных, представленных органами миграционной службы, количество зарегистрированных лиц, прибывших на постоянное место жительства в страну, в январе 2018 года по сравнению с январем 2017 года уменьшилось на 9,2% и составило 1 360 человек. Число зарегистрированных мигрантов, выбывших из страны, увеличилось на 34,9% и составило 2 258 человек, сальдо миграции составило – 898 человек.

Основной миграционный обмен в стране происходит с государствами СНГ: доля прибывших – 78,1%, доля выбывших – 86,7%. С января 2018 г. по январь 2019 г. количество прибывших в Казахстан уменьшилось на 24,8%, число выбывших из Казахстана увеличилось на 12,8%. Численность мигрантов, переезжающих в пределах страны, уменьшилась на 12,5% [2].

Социологическое исследование миграционных процессов и миграционной активности населения РК и приграничных регионов России выполнено на основе проведенного исследования в Восточно-Казахстанской области. Область имеет 7 приграничных территорий с РФ.

2018 году Восточно-Казахстанской области для привлечения иностранной рабочей силы выделена квота в количестве 1941 единиц, из них: по I категории – 39; по II категории – 485; по III категории – 647; по IV категории – 506; на сезонные работы – 264. По итогам первого полугодия выдано 592 разрешений на привлечение иностранных специалистов, из них: по I категории – 7; по II категории – 43; по III категории – 80; по IV категории – 208; сезонные иностранные работники – 193; для внутрикорпоративного перевода – 61 [3].

На 01 июля 2018 года действующих разрешений – 696 ед, из них: по I категории – 8; по II категории – 74; по III категории – 101; по IV категории – 115; сезонные иностранные работники – 337; переводимые в рамках внутрикорпоративного перевода – 61. За отчетный период в области зарегистрировано 45 предприятий, привлекающих иностранную рабочую силу [2].

Этническая миграция. В первом полугодие прибыло 129 семей этнических казахов в составе 229 человек. Из КНР прибыло 108 се-

мей (195 чел), из Монголии – 14 семей (20 чел), из Узбекистана – 2 семьи (2 чел), из Российской Федерации – 1 семья (1 чел), из Афганистана – 4 семьи (11 чел). Из общего числа прибывших, трудоспособного возраста – 167, из них детей – 60, пенсионеров – 2 [3].

Социологическое исследование по вопросам миграции в Восточном Казахстане проводилось 3-х этапах: 1-ый этап: миграционные процессы в Республике Казахстан в оценках населения; 2-ой этап: миграционная обстановка в Восточном Казахстане взгляд и оценка мигрантов; 3-й этап: экспертная оценка.

В первом этапе исследования участвовали 620 респондентов.

Таблица 1.

Возрастные особенности и пол респондентов

Возраст	Мужчина	Женщина
от 18 до 30 лет	117	146
от 31 до 50 лет	124	112
от 51 до 95 лет	69	52
Всего: 620 респондентов	310	310

Таблица 2.

Количество респондентов по месту жительства

По месту проживания	Городские	Сельские
с рождения	204	107
и более лет	206	121
от 5 до 10 лет	117	55
от 1 года до 5 лет	58	22
менее 1 года	35	5
Всего:	620	310

Внутренняя миграционная обстановка в Восточном Казахстане представляет собой массовое явление, существенным образом влияющее на развитие региона. Поэтому в анкете основными вопросами были внутренняя миграция в Восточном Казахстане.

На вопрос «Оцените характер миграционной обстановки в Вашем регионе» из опрошенных респондентов 50% отметили спокойную обстановку, не вызывающую проблем, 20% – большой отток местного населения в другие регионы или государства, еще 20% –

активный приток иностранных мигрантов, 10% выбрали ответ «Активный приток жителей из других регионов Казахстана, резко отличающихся по языку, культуре».

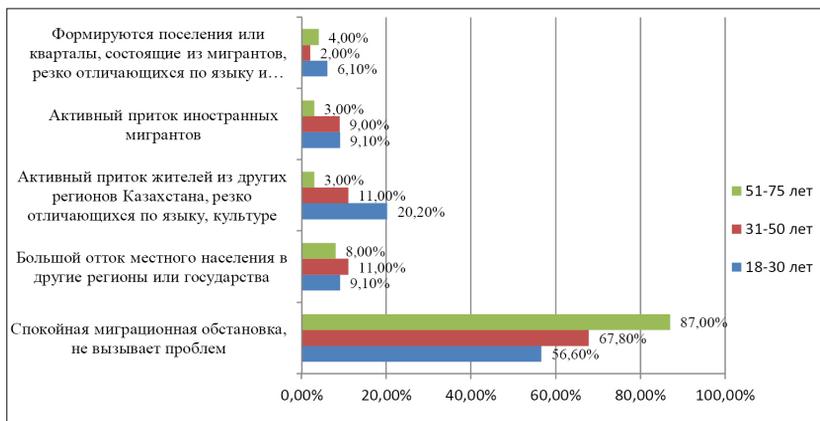

Рис. 1. Оцените характер миграционной обстановки в Вашем регионе

На сегодня проблемы национализма актуализируются процессами глобализации. Современный казахский национализм своеобразен и многолик. Это обусловлено, прежде всего, спецификой ситуации в современном Казахстане, переживающем период трансформации.

Ответы на вопрос «*Приходилось ли Вам за последний год сталкиваться с какими-либо проявлениями национализма? Если да, то с какими именно?*» распределились следующим образом: сталкивался с пропагандой национализма (видел листовки, газеты, журналы националистского содержания – 47,7%; стал свидетелем или жертвой унижений, оскорблений из-за национальности, вероисповедания – 13,3%; видел в общественных местах людей в одежде с элементами националистской символики – 16,4%; слышал призывы к насильственному свержению действующей власти – 7,1%; был свидетелем акций протеста, в том числе с применением насилия: поджоги, взрывы, уличные беспорядки – 2,8%; не сталкивался ни с какими проявлениями национализм – 63,4%. Из этого следует, что население региона не сталкивались ни с какими проявлениями национализма.

Отношение населения региона к мигрантам всегда было одной из актуальных проблем. В исследованиях мы попытались определить отношение населения региона к прибывшим мигрантам. На вопрос «*Как Вы считаете, население в Вашем регионе относится к мигрантам?*» респонденты ответили: резко негативно – 9,7%, скорее отрицательно, чем положительно – 11,3%, скорее положительно, чем отрицательно – 19,7%, дружелюбно – 51,8%, затрудняюсь ответить – 7,5%.

Проблема нелегальных мигрантов хорошо знакома Республике Казахстан. Многие эмигранты из соседних стран желают найти работу и остаться на постоянное местожительство [5]. На рис. 2 представлены ответы на вопрос об отношении населения к приезду нелегальных мигрантов.

Рис 2. Что, на Ваш взгляд, следует делать с нелегальными мигрантами из стран СНГ?

Большинство респондентов (93,1%) ощущают себя в безопасности в Республике Казахстан, потому что у них есть работа, постоянное место жительства, помощь и поддержка (медицинская, социальная, правовая и т.д.) со стороны государства. Это формирует положительное отношение населения к мигрантам в Восточно-Казахстанской области.

На 2-ом этапе исследования изучались особенности миграционных процессов в приграничных территориях Республики Казахстан через оценки мигрантами потенциальных факторов кон-

фликтности в межнациональных отношениях, в том числе факторов формирования гражданской и этнической идентичности.

Было опрошено **182** человек. Из них родились в городе – **97**; в поселке городского типа – **64**; селе, деревне, кишлаке, ауле – **21**. Большинство относится к наиболее социально активному возрасту: 18–30 лет. Проживают в Казахстане: менее месяца – **7.6%**; 1–6 месяцев – **15.3%**; 7–11 месяцев – **12.6%**; 1–3 года – **34.6%**; более 3-х лет – **25.2%**; другое – **4.3%**.

Иностранцы граждане, прибывающие в Казахстан, зачастую сталкиваются с трудностями при определении своего правового статуса на территории принимающей их стороны. В связи с этим правительство Казахстана приняло ряд нормативных актов по регулированию трудовой миграции: Правила выдачи лицензии и выдачи разрешений на привлечение иностранной рабочей силы, связанных с вывозом из Республики Казахстан за границу; Правила о введении условий и размеров гарантийных и залоговых взносов; Правила оказания посреднической помощи гражданам по трудоустройству за границей; Правила защиты внутреннего рынка труда в республике при выдаче разрешений работодателем на привлечение иностранной рабочей силы [5].

На вопрос: «Каким статусом иностранного гражданина Вы обладаете?» получены следующие ответы: у меня есть вид на жительство – **23.8%**; у меня есть разрешение на временное проживание – **16.7%**; у меня есть виза, которая разрешает мне находиться в Казахстане – **40.6%**; я считаюсь временно пребывающим, могу находиться в Казахстане в течение 90 дней – **17.2%**; другое – **1.7%**. На момент опроса были трудоустроены в возрасте от 18 до 30 лет – **11.3%**, от 31 до 50 лет – **23.3%**, от 51 до 75 лет – **5.5%**. Из нетрудоустроенных от 18 до 30 лет – **42.7%**, от 31 до 50 лет – **17.2%**, от 51 до 75 лет – **0**.

В основном мигранты работают в коммерческой (частной организации) – среди тех, кому от 18 до 30 лет – **20.1%**, от 31 до 50 лет – **17.2%**, от 51 до 75 лет – **8.5%**. На втором месте – бюджетные организации: от 18 до 30 лет – **14%**, от 31 до 50 лет – **12%**, от 51 до 75 лет – **0**; респондентов. У «частного лица» работают из 18 - 30 летних – **9%**, от 31 до 50 лет – **25.2%**, от 51 до 75 лет – **0**.

Из респондентов имеют собственное жилье – **21.8%**, арендуют – **46.6%**, проживают у родственников или у друзей – **12.3%**, живут в нежилом помещении, предоставленном работодателем – **12.3%**, другой вариант – **7%**.

По результатам нашего исследования мигранты, проживающие на приграничных территориях Казахстана и России, а именно в Восточном Казахстане, по их собственным оценкам, чувствуют себя довольно хорошо. Практически никто из них не желает уехать на родину из-за того, что он не адаптировался и не приспособился к местной ситуации.

На **3-м этапе исследования изучалось мнение** экспертов по анкете из 32-х вопросов. Экспертами были выбраны 14 государственных и 8 негосударственных органов. В начале мы опросили экспертов связь их деятельности с миграцией.

Рис. 3. Связана ли Ваша профессиональная или общественная деятельность с темой мигрантов и миграции?

По мнению **45,5%** экспертов в Республике Казахстан распространена транзитная миграция, скорее распространена – **4,5%**, скорее не распространена – **18,2%**, затруднились с ответом – **22,7%**.

На вопрос «**Каковы основные маршруты/цели транзитных мигрантов, проезжающих через Республику Казахстан?**» эксперты ответили: Европейская часть России, центральные регионы – **18,2%**, Азиатская часть России (территория страны к востоку от Урала) – **13,6%**, Дальневосточные регионы России – **50%**, страны Восточной Европы – **4,5%**, страны Азии – **13,6%**. Исходя из ответов, маршрутные цели транзитных мигрантов – Дальневосточные

регионы России. Ответы на вопрос о моделях пребывания мигрантов в принимающем обществе наиболее характерных для современного Казахстана представлены на рис. 4.

Рис. 4. Модели пребывания мигрантов в принимающем обществе наиболее характерна для современного положения в Республике Казахстан?»

По мнению респондентов, миграционная ситуация в Восточном Казахстане отличается положительной динамикой и высоким уровнем адаптации мигрантов. Эксперты дали положительную оценку в миграционные процессы Восточного Казахстана, но наряду с этим отмечают опасения экономического характера, необходимость усиления адаптационных мероприятий.

Такой разброс оценок может свидетельствовать о том, что полученные результаты весьма субъективны и, оценивая параметры взаимоотношений между представителями разных этнических групп, жители приграничных территорий Казахстана и России больше ориентируются на собственные представления о характере этих отношений, нежели реальное знание о фактах трансформации взаимодействий. Социологические исследования особенностей проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего сообщества в приграничных регионах показали положительную оценку населения миграционных процессов в Казахстане и отношения к мигрантам.

Статистика миграционной активности населения Казахстана и приграничных регионов Российской Федерации показывает отри-

цательное миграционное сальдо по направлению иммиграции в Казахстане.

Социологические исследования особенностей проявления миграционной активности в контексте отношения принимающего общества в приграничных регионах показали положительную оценку населением миграционных процессов в Республике Казахстан и отношения к мигрантам. Таким образом, миграционные процессы в Казахстане и приграничных регионов России оказывают влияние на экономическое, социальное и политическое, демографическое развитие государств.

Список литературы

1. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М.: Волгоград.: НОФМО, 2002. 572 с.
2. Итоги миграции населения Республики Казахстан за 2015 год. Статистический сборник: на казахском и русском языках. Астана, 2016. 102 с.
3. <http://www.akimvko.gov.kz/ru/>
4. Сабитова А.А. Правовой статус иностранцев в Республики Казахстан. Алмата: Данекер, 2009. 115 с.

References

1. *Bezopasnost' i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v poyase novykh granits Rossii* [Security and international cooperation in the belt of new borders of Russia] / Ed. L.B. Vardomsky, S.V. Golunov. M.: Volgograd.: NOFMO, 2002. 572 p.
2. *Itoги migratsii naseleniya Respubliki Kazakhstan za 2015 god. Statisticheskiy sbornik* [The results of migration of the population of the Republic of Kazakhstan for 2015. Statistical digest]. Astana, 2016. 102 p.
3. <http://www.akimvko.gov.kz/ru/>
4. Sabitova A.A. *Pravovoy status inostrantsev v Respubliki Kazakhstan* [Legal status of foreigners in the Republic of Kazakhstan]. Almata: Daneker, 2009. 115 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Муратқызы Арман, преподаватель кафедры педагогики и психологии, магистр педагогических наук, соискатель университета АГУ

Педагогический колледж имени М.О.Ауэзова

ул. Валиханова, 150, г. Семей, ВКО, Республика Казахстан

Akismetova_05@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Muratkyzy Arman, teacher of the Department of pedagogy and psychology, master of education, applicant of ASU University

Pedagogical college M. O. Auezov

150, Valikhanov Str., Semey, East Kazakhstan, pRepublic of Kazakhstan

Akismetova_05@mail.ru

DOI: 10.12731/2077-1770-2019-6-110-131

УДК 1 (091)

РАЦИОНАЛЬНО ИММАНЕНТНЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ*Мамарасулов А.Р.*

***Цель.** Работа имеет целью выявить и рассмотреть состояние войны в качестве имманентно присущего рациональности феномена. Предметом исследования является процесс возникновения войны, рассматриваемый в контексте его рациональной причинности. Объектом исследования является имманентно присущие разуму логические, аксиологические и метафизические моменты, ведущие к формированию в сознании понятия «война» в качестве особенного смысла. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как ключевые в данном вопросе категории «ничто», «целое», выявляет эмпирическую атрибутику состояния войны. Особое внимание уделяется метафизическому аспекту в процессе появления феномена войны как состояния сущностно отличающегося от витальной борьбы. Основными выводом проведенного исследования является: причинность войны в значительной мере обуславливается внутренне присущими разуму духовными рефлексиями, связанными с особенностями созерцания метафизических идей «ничто» и «целое».*

***Метод или методология проведения работы.** В работе применены аксиологический метод, с помощью которого определяется ценностное поле проблемы, и метод системного анализа, позволяющий рассмотреть и проанализировать детерминацию состояния войны как имманентно присущий рациональности феномен.*

***Область применения результатов.** Полученные результаты могут быть применены при философском анализе антропологических, социальных, культурологических и исторических вопросов, исследующих феномен войны, а так же послужить в качестве концепта при исследовании проблем конфликтологии.*

***Ключевые слова:** Война; причинность; разум; идея; конъюнкция; дизъюнкция; ничто; целое; витальное; иррациональное; метафизика.*

RATIONALLY IMMANENT SENSE OF WAR

Mamarasulov A.R.

Aim. *The work aim to identify and consider the state of war as an immanent phenomenon of reason. The subject of research is the process of the onset of war, considered in the context of its rational causality. The object of research is the logical, axiological and metaphysical moments immanently inherent in the mind, leading to the formation of the concept of “war” in the mind as a special meaning. The author examines in detail such aspects of the topic as key in this issue of the category “nothing”, “whole”, reveals the empirical attributes of the state of war. Particular attention is paid to the metaphysical aspect in the process of the appearance of the phenomenon of war as a state essentially different from the vital struggle. The main conclusion of the study is: the causality of the war is largely determined by the spiritual reflections inherent in the mind, connected with the peculiarities of contemplating the metaphysical ideas “nothing” and “whole”.*

Method or methodology of the work. *The axiological method is used in the work, with the help of which the value field of the problem is determined, and the method of system analysis, which allows one to consider and analyze the determination of the state of war as an inherent phenomenon of rationality.*

Scope of the results. *The results can be applied in philosophical analysis of anthropological, social, cultural and historical issues that explore the phenomenon of war, and also serve as a concept in the study of conflict resolution problems.*

Keywords: *War; causality; reason; idea; conjunction; disjunction; nothing; whole; vital; irrational; metaphysics.*

Если выделить в истории человечества три войны по «глубине ужаса» несравненно превосходящие все другие, войны – которые без преувеличения можно назвать «абсолютными» – Первую, Вторую и Холодную войну как потенциальную Третью мировую войну

и задаться вопросом о *разумности* их причин, то, отстраняясь от второстепенного, мы увидим, что их причины не находятся в сфере разумных оснований. Этот факт очевиден не только исторически ретроспективно, но, пожалуй, и любому разумному человеку того времени. Тщеславие правительств – как предпосылка Первой мировой, нацизм как причина Второй мировой, конфликт политических идеологий как основание возможной Третьей мировой – это все то, о чем недостаточно сказать «оно имеет мало связи с разумностью». В смысл слов «война это безумие» обычно вкладывают глубину ужаса от действий самой войны, сравнительно с которым причина войны, фактологически, не кажется ужасной, и от того связь между иррациональностью причины и безумием действия войны не дана как очевидное. Однако причинность «абсолютных» войн сама за себя свидетельствует о совершенно ином: чем безумней война по своему действию, тем менее соотносимое с разумностью основание она имеет.

Такое утверждение предполагает, что причина «абсолютной» войны, возможно, коренится в каких-то своеобразных особенностях сознания, а не только в социально-экономических и биологической предпосылках. Не исключая, естественно, значение внешних оснований, попытаемся рассмотреть именно рациональный момент появления войны. Ведь коль скоро современная гуманистическая культура отрицает войну (по крайней мере в ее абсолютном состоянии), то (не принимая в расчет суицидальный характер современной тотальной войны как самоочевидный) необходимо возникает вопрос – в чем именно причины войны входят в противоречии с разумностью?

Война – предмет феноменально сложный и многомерный, поэтому мы ограничимся сущностным аспектом возникновения войны, так сказать, «идеей» войны, то есть такой сути, которая способна быть войной абсолютной. Соответственно, мы не станем касаться проблем на подобие: «несет ли та или иная война, и войны вообще, какой-то конкретный конструктивный или деструктивный смысл для развития человечества?» – в силу того, что подобная проблематика просто тонет в феноменальности бесконечного числа самых разнород-

ных аспектов, неразрывных с существованием цивилизации. Говоря аллегорически, вопрос можно свести к следующему: присутствуют ли в разуме смыслы, *идеи*, подобные олицетворяющим образ войны богам, например, Деймосу и Аресу в древнегреческой мифологии? И как эти возможные смыслы соотносятся с разумом?

Допуская некоторую символичность, примем естественное состояние биологической природы – межвидовую борьбу в пищевых цепочках, а так же конкуренцию внутривидовую в качестве «войны всех против всех». Если рассматривать это состояние как естественный процесс, то очевидно, что он вполне необходим. Экологические связи находятся в таком отношении, где одно связано с другим конъюнктивно, что порождает движение эволюции. Поэтому утверждение, что биологическая природа движется некоей аналогией войны – войной всех против всех – является *субъективным*. Настоящий ужас испытывается особью лишь в пограничные моменты, когда, скажем, животное оказывается в когтях хищника. Объективно же, в силу бесчисленного соединения одного с другим – слово «гармония» представляется для символической характеристики устройства биологического мира, скорее более подходящим понятием.

Если развитие биологической природы представляется вполне логичным процессом, то применим ли этот абстрактный логический критерий к бытию человека? Смысл противопоставления «человек и природа» уже сам по себе представляет отношение конъюнкции. Упорядоченность культуры обеспечивается присоединением сложного, а с развитием культуры все более сложного. Что происходит и на интеллектуальном уровне и на витальном, когда, например, для выживания цивилизации требуются особые – породистые – растения и животные. Высокоорганизованное проявляется в высокоорганизованном.

Но что происходит с разумом, когда он сталкивается с нечто признаваемым качественно относительно простым? Разум либо остается индифферентен к нему, либо усложняет простое («ребенок – потенциальная личность», «камень – возможный дом»), либо входит в конфликт с ним как препятствующему развитию – например, при

смене религиозного геоцентрического представления на гелиоцентрическое. В последнем случае в разуме возникает императив – «качественно более простое должно быть *предано презрению и уничтожено*». То, что не может быть присоединено – уничтожается; и в этом существенная разница между хищником, присоединяющим себе добычу как пищу, и человеком уничтожающим (сводящим к ничто) объект сначала теоретически – тотальное обесценивание, унижение – лишение человеческого достоинства, а затем и практически, собственно уничтожение – сведение к небытию. При этом основания оценки чего-либо в роли качественно простого могут быть ситуативными, хотя остаются именно рациональными, ориентированными на определенные основания.

Объект, подвергнутый подобному гегелевскому «моменту снятия», облачается мыслью в довольно странный смысл – сведение к ничто. Разум входит в конъюнкцию с объектом – «я и объект», но придает ей отрицающий бытие и ценность характер – «я и объект-ничто». Это не просто уничтожение данного объекта, как, например, вредоносного, и не просто обесценивание по причине, допустим, его бесполезности, но отвращение и презрение к нему – обесценивание абсолютное и такое же абсолютное уничтожение. А если объект не устранен, он становится тем, что обозначается словом «враг». При этом и феноменально, и рационально неизвестно никакого абсолютного ничто, однако разбуженная и ввергнутая в процесс отрицания воля, показывает, что сведение к ничто – действие совсем не символическое и ужас здесь вполне настоящий.

Основанием такого конфликта выступает не конъюнктивное присоединение (например, этой рощи к этому племени) и борьба за это, как нечто логически понятное – но подобное массовому аутодафе в Испании – «признаваемое качественно более простым должно быть *предано презрению и уничтожено*». Подобная же ярость уничтожения составляет сущность классовой ненависти, нацистских зверств, и так, ретроспективно, по цепочке ужаса – к первой строке первого литературного произведения западной цивилизации: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына» [3, с. 17].

Вопрос сводится не к внешней причине войны – такие причины бесконечно многообразны в ситуативном плане. Состояние войны можно попытаться представить через раскрытие некоего смысла присущего разуму имманентно, без чего война остается всего лишь борьбой, не выходя за пределы витальной борьбы животных в пищевых цепочках. Кажется даже странным, но для такого безумного и ужасного состояния как война прямо унижительно быть чем-то похожим на всякую животную суету подобную грызне мышей у корки хлеба или стаям обезьян, оспаривающим пару пальм. Будучи человеческим состоянием, война должна предполагать имманентное рациональное основание, хотя и не определяемое конъюнктивно, но в силу иррациональности войны, доминированием логической дизъюнкции.

Дизъюнкция – логическая операция разобшения, по значению соответствующая союзу «или». «Победа или смерть», «свобода или ничто», «тварь я дрожащая или право имею», «быть или не быть» – знакомые всем «классические» императивы дизъюнкции, выражающие предельную непримиримость состояния войны. Дизъюнкция – рациональный инструмент обуславливающий, в том числе, процесс выбора, а значит как в названных примерах – выбора абсолютного, где, несмотря на категоричность и безальтернативность, выбор, тем не менее, осуществляется между некой высшей ценностью и ничто.

Это такой выбор, который не хотел бы быть выбором: в нем не только отрицается отрицательное (ничто), но и отрицается то, что оно, это отрицательное, находится в форме выбора. Выбор, который отрицает себя, оставаясь выбором, замкнут на себя до тех пор, пока отрицательный член в нем не будут «уничтожен». «Уничтожение» не есть логическое понятие, однако понятия «снятие», «отрицание», «отрицание отрицания» неприменимы к тому, что здесь снимают и отрицают – а именно к ничто. Это «ничто» и есть уже отрицание само в себе, ибо «ничто» – то чего нет. Однако метафизическое неотрицаемое ничто необходимо убрать из рационального действия выбора.

Таким образом, понятие «ничто» вводится в форму выбора не логически или феноменально, а метафизически, ибо не только само

«ничто», но и «уничтожение ничто» выходят за рамки какой-либо эмпирической рациональности. И тем более иррационально, что разум должен находиться в состоянии выбора между некой ценностью и этим «ничто», разве не странно отрицать в выборе то, что отрицательно само по себе, и что отрицается всем существом? Осуществляя дизъюнкцию, например в суждении «победа или смерть», разум вносит в логику «ничто» потому, что оно способствует победе – мобилизует и т.п. Стало быть, внесением метафизического элемента, от которого обычная логическая разумность становится иррациональной, мы в определенном смысле устраним разум ради ценности победы, и в то же время, поскольку форма выбора сохраняется, остаемся существами разумными.

Итак, есть объект, рассматриваемый в качестве ничто и обладающий бытием в форме выбора («быть или не быть»); сознание не может освободиться и от объекта-ничто и от формы выбора логически – в силу метафизической природы этого объекта-ничто и способно снять противоречие лишь уничтожая ничто как объект. Объект, который, тем самым, из объекта логического приобретает статус «враг»: то, с чем нельзя ни разумно «договориться», ни отрицать как логически противоречивое, но лишь уничтожить. Дальнейший переход от сформированных здесь понятий «враг», «уничтожение» и «война», такой же как между теорией и практикой. Понятие «война», по сути, родилось из ничего, так как само это «ничто» предопределено природой разума имманентно.

Так, с одной стороны, метафизическое ничто становится законным представлением, а с другой, паразитирует на эмпирической разумности как нечто ей чуждое. Сознанию приходится сохранять эту метафизическую идею ничто подчас вопреки практическому смыслу. Однако если мы хотим быть логичными и рассудительными существами, опирающимися на «здравый смысл», нам, казалось бы, следует изгнать идею ничто из сознания как нечто алогичное, деструктивное и даже рудиментарное. «Ничто» – не существует по самому своему определению, это ошибка, временная слабость и излишняя трата ресурсов. Так в войсках специального назначения,

где к войне относятся наиболее ответственно и профессионально, эффективны логика и рассудок, а не метафизика.

В самом деле, зачем мыслить некое, способствующее неконтролируемой агрессии, безумию и ужасу, «ничто», если оно чуждо не только логике, но и простому прагматизму? Не проще ли позитивистски вынести эту сущность из разума, и мыслить позитивно? Ответ на эти вопросы предполагает одновременно и статус вопроса об идеи войны – ведь если вызывающая ее к бытию метафизика «ничто» ложна, то и нет никакой идеи войны, которая, если она признается формой платоновской идеи, должна быть вечна и неуничтожима.

Казалось бы, самый простой путь к непризнанию идеи войны – методологический: позитивистски отказаться от самой метафизики – то есть от формы платоновской идеи, а значит от «ничто». Но быстро оказывается, что без идеального нигилистически теряется вообще все: идея ничто раздувается до Ничто тотального, – говоря словами Экклезиаста «прах к праху, земля к земле» – что явно деструктивно. Результат оказывается полностью противоположен искомому.

Иной путь устранения «ничто» присутствует в таких, например, религиях как буддизм и христианство. В них наоборот требуется открыть дорогу метафизике – вечности и неуничтожимости – божественности, нирване, вечной жизни – чтобы верой в это, полностью вытеснив ничто из сознания, устранить идею войны как часть «поврежденной природы» и обрести мир [12, с. 26]. Однако ясно, что тогда теряется эмпирическая разумность, а произвол веры над разумом – ситуация со столь же неконтролируемой инстанцией, как и идея войны.

Поскольку не удастся устранить «ничто» методологически, то возможно ли это гносеологически? Быть может, признав вместе с Кантом что причина зла непостижима [4, 290], следует сменить отношение к идее ничто с серьезного на несерьезное и просто относиться к ней как некоему психологическому трюку сознания? «Да, есть нечто, что кажется нам идеей зла и войны, но на деле мы никогда не узнаем что это такое, и должны лишь учитывать данную специфику нашего сознания». Но здесь возникает конфликт с про-

стейшей рассудочностью: «человек играющий» звучит прекрасно, но «человек играющий в войну» – то же что играющий с огнем.

Тогда, может быть, «ничто» есть некоторая психологическая инверсия реакции на опасность, возникающая в случаях, когда человек ощущает и осознает себя настолько слабым, беспомощным (невроз), что аллегорически употребляет в отношении себя слова «ничтожество», «ничто»? Что, к примеру, присутствует в известном вопросе «тварь я дрожащая или право имею?». Однако участие всевозможных невротических состояний сознания в объективации понятия «ничто», указывает лишь на факт того, что объектом-ничто является так же и сам субъект, и что война охватывает не только сферу социальности, но и внутреннее бытие индивидуума [14, с. 397].

Кажется, что логический механизм дизъюнкции по своей фундаментальности для сознания ближе библейскому яблоку познания добра и зла, нежели приведенным попыткам придать ему обусловленный характер. Поскольку же речь не о морали как таковой, но о войне – по определению имморальном и аморальном проявлении разума, то здесь нельзя судить о том, на какие именно раздражители сознание реагирует так, что формирует понятия «ничтожество», «ничто», и, соответственно, что именно ему следует «уничтожать», объявляя войну. В противном случае на первый план выходит момент моральный – как будто столкнувшись с фактом определенного рода, на который разум реагирует как на «ничто», он принужден противостоять ему, запуская описанный механизм объявления войны (как это, например, со всей теологической убежденностью присутствует у Беме: «Но так как Бог проклял его, как вечного врага, и приговорил его на вечное заточение, и сочтены уже отныне часы его») [2, 224]. Возникающая отсюда доминанта морали автоматически приводит к отождествлению названного факта негативации (крайнего отрицания, сведения к ничто) с понятием «зло», и таким путем объявляет зло чем-то объективным и закрепленным имманентно через негативацию в разуме. Словом, если рассматривать сведение к ничто как действие обусловленное, конкретное и фактологически определенное по источнику, то тем как будто бы обнаруживается и само зло.

Однако существование в разуме идеи ничто не может быть феноменом обусловленным не только методологически и гносеологически, но и морально. Мы видим, что «ничто» всегда ускользает от объективности, эмпиричности и логики морального суждения – оно сплошь субъективно, метафизично и алогично. Таковы, скажем, мораль крайних расистских идеологов, призывавшая видеть полное ничтожество в представителях иных рас, жесткие политические противостояния, полные разного рода уничижающих мифологем негативного толка, бесчисленные обыденные межличностные конфликты, возникающие по самому пустому поводу. Состояние возникновения войны здесь на лицо, но нет каких-либо оснований, позволивших бы говорить о связи между войной и объективным феноменом зла, ибо представленное в них «зло» фиктивно, ситуативно и совершенно субъективно. В качестве аллегорического примера сказанному может служить «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н.В. Гоголя.

Идея «ничто» не может быть обусловлена морально, потому, опять-таки, что само по себе «ничто» метафизично и алогично. Ничто – то, чего нет эмпирически и логически. Поэтому «ничто» immoralно, причем даже не в том ницшевском смысле, что находится «по ту сторону добра и зла», но попросту в нем, из-за его фиктивности, ситуативности и совершенной субъективности, нет никакого ресурса, чтобы сформировать понятия этики (например, «зла») и основать более-менее разумную и устойчивую мораль. Наконец, к рассуждению об immoralности «ничто», прибавляется аморальность, как буквальная атрибутика, порождающаяся из процесса войны со всем его безумием и предельным ужасом.

Не обнаружив какой-либо обусловленности идеи «ничто», попытаемся осмыслить эту идею со стороны безусловности ее формы – платоновской идеи, то есть онтологически. Если поставить простой вопрос «что есть для разума ничто?», то наиболее противоречивым ответом будет – «возможность отрицания всего как в количественном, так и в качественном смысле, включая и саму эту возможность отрицания». Хотя с эмпирической стороны воз-

никает полнейший абсурд, однако онтологически мы мысленно получаем абсолютное уничтожение или идею ничто. Достигнув в силу названной абсурдности нуля, так сказать, «логического чистоты», зададим вопрос «а зачем разуму вообще дана эта возможность уничтожать все и мыслить ничто?». Очевидно, чтобы иметь свободу отрицания вообще, включая отрицание самой этой свободы. В противном случае – то есть без свободы отрицания, которая не имеет никакого авторитета запрещавшего разуму эту свободу, мы, наоборот, должны иметь некий авторитет, поставленный выше свободы отрицания. Что это за авторитет – логика, чувства, воля, воображение, бог? Сомнительно, что подобный авторитет вообще существует, а значит разум, через возможность идеи ничто, свободен или, правильнее сказать, предоставлен сам себе. Самобытие, сущностная независимость от причинности – метафизичность делает разум чрезвычайно пластичным. Но что лежит в основе этого его достоинства? Возможность простого отрицания, настолько простого, что оно выше причинности – и есть просто уничтожение или сведение к ничто.

Идея ничто лишь онтологична: на основе идеи отрицания всего разум определяется как предоставленный сам себе, как самобытие. И в этом, как иллюстрация сказанному, состоит метафизическая, «расширяющая» сознание сила известного монолога «Быть или не быть, вот в чем вопрос». Где идея ничто, отрицания всего актуализируется поверх хаоса не в роли одного из обыденных понятий, а как метафизически самоопределенное – идея. Признавая онтологическую возможность «не быть всему», разум обнаруживает, что нет никаких авторитетов, которые могли бы ответить на гамлетовский вопрос, включая и сам разум, ибо любое логичное действие в этом не даст равновесия с метафизикой ничто. Тем самым разум оказывается предоставлен сам себе, метафизике самобытия, подобно парусу из не менее известного стихотворения Лермонтова.

Вместе с тем, идея ничто обеспечивает онтологический фон войны, подобно тому, как понятие «война» отличается от понятия «состязание» присутствием смерти. Состязание раскрывает разум,

смерть – мрак и ужас жизни, война – мрак и ужас разума [7, с. 416]. Однако, как говорилось выше, там, где биологическая смерть представлена основополагающе – в пищевых цепочках животной природы – она не предполагает понятие «война». В них господствует механизм конъюнкции, и смерть имеет значение простого логического снятия, подобного, скажем, прочтенному слову, как части еще непрочитанного предложения. И хотя биологически ужас смерти присущ всему животному, он не коренится в идее ничто, как в силу созерцательного характера самой формы идеи, так и по причине, что смерть животной особи способствует противоположному – жизни. Присутствие смерти, так сказать, снимает предохранитель с войны, но еще не взводит ее – для того, чтобы возникла именно война, а не борьба, смерть должна быть проявлением, присутствующей в разуме идеи ничто. Между смертью как фактом борьбы и войной должны находиться «ничто» и «уничтожение», ведь ни животные, ни составляющие люди не стремятся к непосредственно уничтожению.

Процесс возникновения войны предполагает некоторую реакцию именно разума на смерть как акциденцию идеи ничто. Смерть не обязательно должна быть биологическим феноменом: как проявление войны она представляется всякой смертью – моральной, социальной, интеллектуальной и т.д., «уничтожить», «убить» можно совершенно различно. При этом основания войны беспричинны, ибо само основание войны имеет безусловный характер – это метафизическая идея ничто. Да, каждая война имеет причины, аналогично тому, как каждая смерть имеет причины, но смерть вообще беспричинна, она просто есть онтологически. То есть при онтологическом подходе мы ничего не объясним кроме уже установленного выше бытия идеи ничто. Для понимания вопроса следует перейти от отрицательной фазы в логике дизъюнкции к положительной – к ценности, по аналогии с тем, как канатоходец балансирует (союз «или») между смертью (ничто) и жизнью (ценность).

Поскольку ничто дано разуму метафизически – в форме идеи, то противостоящая ей в процессуальности войны ценность, так же должна иметь тот же формат идеи, подобной платоновской идее

блага. Соответственно, данная ценность может быть только безусловной – неопределяемой никакими причинами разумного или природного порядка. Вместе с тем, ценность эта должна быть представлена только аксиологически, иначе она будет простым бытием, а вовсе не ценностью. Но задача определить подобную безусловную ценность вообще не может быть поставлена разуму [11, 468], и как таковая она не может являться целью разума, ибо последний (как в случае, когда такая ценность устанавливается религиозно или витально) приобретет в ней авторитет над собой и утрачивает самобытие. Более того, в отличие от разнообразных богочеловеческих или сверхчеловеческих теорий, нельзя оправдать войну с «несовершенными» относительно этой ценности: мы попросту не знаем, чем разум, предоставленный сам себе, хуже разума причастного каким-то высшим ценностям. И разум дикаря, и разум высококультурного человека – это тот же разум, он ни в чем не переходит в иное сверхразумное качество и по-прежнему характеризует человека как бытие предоставленное самому себе (самобытие).

Вместе с тем, без установления безусловной ценности не может быть и возникновения войны, ведь если искомая безусловная ценность фиктивна, то фиктивна и само состояние войны, а значит – нет и идеи войны, но только животная борьба. Или же – без абсолютной ценности, происходит схлопывание бытия, коллапс сознания в потоке уничтожения, из-за отсутствия того, что могло бы противостоять ничто [5, 680]. Словом, состояние войны предполагает не только абсолютное «против» – ничто, но и абсолютное «за» – безусловную ценность. Однако, если первое безальтернативно, то второе, наоборот – крайне проблемно, в силу того, что «безусловная ценность» не онтологична, но чисто аксиологична, а следовательно, ситуативна и субъективна.

Перед лицом ничто разум не может прочно опереться ни на себя («здравый смысл», закон, мораль и т.п.), ни на какую-нибудь безусловную ценность, что ведет к качественному состоянию не войны, но к «воле к смерти» и коллапсу или животной «воле к жизни». Имей названная безусловная ценность непосредственный

отологический характер, а не сугубо аксиологический (выражающийся в бытии лишь опосредовано – через мифологию, религию, идеологию, и вообще культуру), то это могло бы служить каким-то высшим оправданием вообще любой войны в качестве разумного состояния, а не «дьявольской» бойни или же животной борьбы за ресурсы и выживание. Более того, даже предположив, что безусловная ценность была бы онтологически определена, она мгновенно приобрела бы моральный характер как «абсолютное добро», и понятие войны исчезло бы, поскольку противостояние с ничто возымело лишь дидактический, патерналистский характер борьбы с неразумностью или ошибочностью противостоящих такому добру сил [6, с. 38].

На самом деле в феноменальности войны намешано и почти неразлично все названное: и субъективность безусловных ценностей, и их патернализм, и здравый смысл, и воля к смерти, и животная борьба, и т.д. Это демонстрирует, что здесь мы имеем дело лишь с проявлениями войны, а не с сущностью – идеей войны. Одновременно нельзя показать войну и как противостояние двух определенных метафизических сущностей «смерти» и «жизни», так как это сводит войну к витальности, а не к искомой идее войны. Но ведь нельзя и причислить войну к разряду общих понятий среди других общих понятий, таких как «конфликт», просто в силу того война нагружена для субъекта и культуры слишком сущностно («быть или не быть?»), что и слепляет в показанную выше неразличимость самые разнородные феномены.

За отсутствием иных вариантов, вернемся к исходному пункту – что война в качестве идеи разума есть продукт логики – механизм дизъюнкции. То есть в символическом выражении подобна не древнегреческому богу войны Аресу, а храму двуликого Януса, ворота которого открывались, когда Рим был в состоянии войны. Пожалуй, трудно найти лучшее символическое отражение механизма дизъюнкции и войны чем разнонаправленные от себя лики бога. Если наполнить логическую модель дизъюнкции психологическим содержанием, несложно увидеть то, о чем обычно говорят «целое то-

го-то дало трещину». Такой раскол целого надвое, трещина, сквозь которую проглядывает ничто как вероятная гибель этого целого – вовсе не гипербола или художественная аллегория [1, с. 44]. Нет надобности приводить примеры бесчисленных проявлений подобной «трещины» и необратимо распадающегося в противоположные направления целого – объектом может быть экзистенция, межличностные отношения, социум, внешнеполитические отношения и т.д.

Характерные черты такой дизъюнкции это: моментальность (скачкообразность) во времени, потенциальное уничтожение целого и процессуальная необратимость распада, сильные агрессия и страдательность для субъективного восприятия, предельные хаотичность, иррациональность и невозможность установления конъюнктивной связи – с логической стороны, негативация, духовное опустошение и созерцание ничто в плане метафизическом. По сути, это все те признаки, которыми мы определяем начало войны [15, с. 146].

Имея логический (дизъюнкция) и, возникающий отсюда феноменологический характер состояния войны, вернемся к вопросу – определяется ли война сущностным (идеи) или только логическим характером? Этот вопрос упирается в другой вопрос – о существовании целого. Ведь названная дизъюнкция, «трещина» может считаться таковой только по отношению к некоему изначально целому, а не множественному, ибо разделение целого и есть множественность. Чтобы не усложнять вопрос столь философски нагруженной категорией «целое», примем это понятие в простейшем смысле, как идею целого (субстанция).

В таком случае дизъюнкция войны осуществляется в отношении двух метафизических понятий (идей) – «ничто» и «целое». Оба этих понятия не могут иметь эмпирического содержания, а их бытие сугубо метафизично. Но имеет ли война эмпирическое содержание? С одной стороны, все названные выше признаки возникновения войны эмпиричны так же, как самоочевидно эмпиричен, к примеру, ужас войны. С другой же стороны, все эти реальные признаки суть проявления идеальных сущностей – «ничто» и «целое». Всякому целому в природе уготовано уничтожение, но поскольку и не

господствует тотальное ничто – целое остается неуничтожимым и вечным. Это и естественно, ибо взятые в качестве платоновских идей «ничто» и «целое» вечны. Тем не менее, что возмущает здесь разум настолько, что он переходит в состоянии деструкции?

Во-первых, разум не имеет возможности установить конъюнктивную связь с идеями «ничто» и «целое». Он не может раствориться ни в одном – уничтожиться, не стать безличной частью целого [8, с. 57]. Во-вторых, не имея эмпирического выражения ни того ни другого в виде феноменов, он вообще не понимает – что это такое «ничто» и «целое»? Наконец, как чисто абстрактные формы, «ничто» и «целое» – суть настолько простое, что не могут составить единства с высокоорганизованностью рациональности. Поскольку же конъюнкция предполагает соединение, то тут не может быть какого-либо соединения в принципе. Словом, возмущение разума вызвано амбивалентностью того, что вечные платоновские идеи «ничто» и «целое», проявляясь феноменально, имеют власть над ним, но чужды ему по природе как самобытию, бытию представленному самому себе.

Почему некое человеческое «целое», допустим для простоты – какие-нибудь отношения, дают трещину? Потому что любому целому уготовано уничтожение. Но, опять-таки, почему раскол в «целом» может приобрести характер войны и, во всяком случае, никак не способствует спокойствию и умиротворенности? Невозможность изначально смиренного отношения к расколу в «целом», невероятная сложность примирения с этим, и вообще проблематичность в подобной ситуации состояния, имеющего корнем слово «мир», вызвано тем, что «целое» субъективно воспринимается в качестве «истинного», «настоящего», «подлинного», даже «бессмертного». Все эти эпитеты есть не что иное, как атрибуты платоновских идей [9, с. 860]. И речь не идет просто об иллюзии сверх-ценного (чему-то подобному сюжету «Шинели» Гоголя). Утрата такого «целого» сталкивает сознание с «ничто». Это то, о чем обычно говорят «рвется по живому», и что предполагает существование внутри «целого» связи – сильнейшего конъюнктивного отношения (концепта,

который, по-видимому, имеет наиболее полное выражение в теории «всеединства» русской религиозной философии).

Однако ясно, что понятия «связь» и «целое» сущностно различны: «целое» не предполагает никаких связей как множественности, оно самоотжественно и метафизично. Поэтому названная сильнейшая конъюнктивное отношение пребывает не внутри «целого», а есть потребность в конъюнктивной связи с метафизическими идеями, платоновскими образцами «целого» и «ничто». Которые – всего лишь идеи и не более чем идеи – интеллигибельное инобытие по отношению к разуму. Но как только разум начинает осуществлять конъюнкцию с идеей, то есть пытается сделать платоновскую идею чем-то эмпирическим и фактологичным, он вступает в противоречие и конфликтует как с природой идеи, так и с самим собой. Идея (платоновская идея) – то, что по своей природе не может быть реализовано фактологически [10, с. 475], а разум не может вступить в реальную конъюнкцию с идеей, он может осуществлять лишь свою причастность идеям, в противном случае подчиняется им и утрачивает самобытие.

Война возникает когда вечные, но фактологически пустые идеи – «ничто» и «целое» – сжимаются до эмпирической конкретности, до еле улавливаемой разумом точки, но с «вселенской» значимостью, а сам субъективный разум, растягивают как в прокрустовом ложе до статуса абсолютной объективности идей. Формируется даже то, что обозначают психологическим термином «идея фикс». Естественно, под таким невероятным давлением и натяжением наступает разрыв, бытие и разум дают трещину, и возникает война со всеми ее реальными признаками. «Трещина», раскол, дизъюнкция войны суть следствия противоречия с природой идей и разума, насилие над ней.

Так, нацизм овеществлявший идею ничто («недочеловеки») – привел к тотальному уничтожению, а националистическая реализация «чистой расы» – это осуществление идеи целого. В тоталитарном коммунизме – уничтожение буржуазности суть реализация идеи ничто, а «светлое будущее», столь же эмпирическое воплощение идеи целого. Религиозные войны – война с «неверными», сжигание еретиков – физическое воплощение идеи «ничто», а

стремление к единству с богом – попытки вполне вещественного осуществления идеи целого. Вообще, и эгоизм и альтруизм как психологические предпосылки войны, это воплощение идеи целого (Я, некое общество), а нарциссизм этого целого воплощения идеи «ничто» [16, с. 263]. В основе всякой войны, вероятно, лежит, так или иначе противоестественное по отношению к природе: овеществление идеи и идеализация разума.

Итак, метафизика возникновения войны определяется двумя идеями – «ничто» и «целое». Они не созданы рассудком, но, «по-платоновски» созерцаемые, переносятся разумом на эмпирическую реальность уже в качестве обычных понятий «ничто» и «целое». Вечные платоновские идеи, чье существование мы вынуждены здесь допустить в роли образцов для трансцендентально сильных стремлений духа, неуничтожимы, но произведенные от них «приземленные подобию» не являются таковыми. К примеру, мы обозначаем родственные, симпатические или социально-политические отношения словом «целое», однако, естественно, что такое «земное» целое не идеально, ибо дает трещину и превращается в ничто, которое так же не есть подлинное, идеальное как его прообраз, ничто, но лишь элемент логической дизъюнкции. Ведущее к войне противоречие возникает из того, что разум не хочет принимать неподлинность этих, принимаемых им за истинные идеи, «целое» и «ничто». Ему кажется, что эти феномены и есть тот свет вечных небесных идей. Отсюда и такая дикая, яростная, непримиримая борьба за «высшие ценности» и против низшего ничто, «хуже которого ничего не бывает».

Подобное замещение земного идеальным свойственно только разуму, поэтому война – феномен человеческий и рациональный. Но, что самое важное, первопричиной войны выступает все-таки формат платоновской идеи. Идеи, будучи абсолютно безучастны к деятельности человека, тем не менее, инициируют в сознании логику войны. Подобно тому, как яблоко раздора в Илиаде взбудоражило в богах причастность к идее прекрасного в ее космическом, сверхценном смысле, так и то целое из-за которого объявляют войну, и

потеря чего приравнивается к ничто, инициировано причастностью сознания к «вечным идеям».

С позиции разума можно и должно осуждать войну как некую «засветку» рассудка со стороны идей и принятие земного за идеальное, субъективного за объективное. Нет смысла перечислять политические, религиозные, этнические, моральные постулаты такого рода, приводившие в силу данного несоответствия к самым ожесточенным и ужасным войнам, неразумность, иррациональность причин которых очевидна. Вместе с тем, сущность войны – метафизична, первопричины войны – метафизические идеи целого и ничто осудить невозможно, они просто есть (здесь не важно, реально ли, или по философской логике, или просто субъективно), так же как и невозможно избежать мощи их воздействия на разум, а точнее сказать, силу нашей причастности идеям. Они – смыслы смыслов, образцы, фундаментальная основа духа и его свободы. Можно с психологической ясностью исторически ретроспективно осознавать полную фиктивность ментальных предпосылок ужасных войн прошлого. Но мы совершенно не знаем, во что, возможно, «влюбится» человечество в следующий раз, каким новым образом бесконечные и вечные идеи вновь, как это уже происходило многократно, опьянят сознание. Более того, совсем неочевидно, что метафизическая «механика» возникновения войны, которой мы попытались найти здесь понимание, и которая сущностно различна относительно простой логики витальной, животной борьбы, может выработать какие-то гарантии против повторения прошлого. Метафизика – беспричинна в эмпирическом смысле, поэтому, с одной стороны, познание здесь не предоставит гарантий. С другой стороны, метафизика и метафизика войны все-таки есть проявления разума, в котором она и коренится, а значит, война не является целиком стихийной, неконтролируемой инстанцией. Здесь, скорее, есть элемент свободы, отличающий войну от принужденности витальной борьбы, поэтому метафизическая сущность войны и оставляет значительный момент непредсказуемости, и, вместе с тем, предоставляет разуму свободу отказа от войны.

Список литературы

1. Августин Аврелий. Исповедь. М.: Республика, 1990. С. 44–45.
2. Беме Я. Аврора. М.: ТЕРРА, 2001. С. 224.
3. Гомер. Илиада. М.: ЭКСМО, 2008. С.17.
4. Кант И. Трактаты. СПб.: Наука, 1996. С. 290-291.
5. Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LI-LXIII. СПб.: Нестор-История, 2014. 680 с.
6. Марк Аврелий. Размышления. Л.: Наука, 1984. С.38.
7. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. М.: REFL-book, 1994. 416 с.
8. Ницше Ф. Утренняя заря. М.: Воля, 1991. С. 57.
9. Платон. Гиппий Большой // Сочинения в 4т. М.: Мысль, 1996. Т.1. 860 с.
10. Платон. Пир // Избранные диалоги. М.: ЭКСМО, 2007. С. 475–478.
11. Рахманов А.Б. Философский плацдарм в царстве Марса: субъективная логика войны // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 131–152.
12. Риккерт Г. Философия жизни. Киев, Вист С, 1998. С. 468–469.
13. Скворцов А.А. Этические проблемы войны в русской философии XXв. // Этическая мысль. 2001. № 2. С. 216–230.
14. Степанов А.А. Война и мир в смысловом пространстве философии: методологический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. № 1 (64). С. 30–35.
15. Трубецкой Е.Н. Мировая бессмыслица и мировой смысл // Смысл жизни. М.: 1994. С. 26–52.
16. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология XX в. Антология. М.: Юристъ, 1995. С. 484.
17. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Наука, 1993, Т.2. С. 397.
18. Фукидид. История. М.: Наука, 1981. С. 146–149.
19. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ-ЛТД, 1998. С. 263–269.
20. Шемякин В.М. Философия войны // Педагогическое образование и наука. 2011. № 9. С. 90–93.
21. Штерн М.С. Философско-аетропологический аспект войны в эпосе // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 325.

References

1. Avgustin Avreliy. *Ispoved'* [Augustine Aurelius. Confession]. M.: Republic, 1990. P. 44–45.
2. Boehme J. *Avrora* [Aurora]. M.: TERRA, 2001. P. 224.
3. Homer. *Iliada* [The Iliad]. M.: EKSMO, 2008. P. 17.
4. Kant I. *Traktaty* [Treatises]. St. Petersburg: Nauka, 1996. P. 290–291.
5. Kassiy Dion Kokkeyan. *Rimskaya istoriya. Knigi LI-LXIII* [Cassius Dion Kokkeyan. Roman history. Books LI-LXIII]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2014. 680 p.
6. Mark Avreliy. *Razmyshleniya* [Marcus Aurelius. Reflections]. L.: Nauka, 1984. P. 38.
7. Nietzsche F. *Filosofiya v tragicheskuyu epokhu* [Philosophy in a tragic era]. M.: REFL-book, 1994. 416 p.
8. Nietzsche F. *Utrennyaya zarya* [Morning Dawn]. M.: Volya, 1991. P. 57.
9. Platon. *Gippiy Bol'shiy* [Platon. Hippy the Great]. Works in 4t. M.: Thought, 1996. V.1. 860 s.
10. Platon Pir [Feast]. *Izbrannye dialogi* [Selected Dialogues]. M.: EKSMO, 2007. P. 475–478.
11. Rakhmanov A.B. Filosofskiy platsdarm v tsarstve Marsa: sub'ektivnaya logika voyny [Philosophical bridgehead in the kingdom of Mars: the subjective logic of war]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow University Physics Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. 2011. No. 4. P. 131–152.
12. Rickert G. *Filosofiya zhizni* [Philosophy of life]. Kiev, Whist S, 1998. P. 468–469.
13. Skvortsov A.A. Eticheskie problemy voyny v russkoy filosofii XX [Ethical problems of war in Russian philosophy of the twentieth century]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical thought]. 2001. No. 2. P. 216–230.
14. Stepanov A.A. Voyna i mir v smyslovom prostranstve fi-losofii: metodologicheskiy aspekt [War and peace in the semantic space of philosophy: methodological aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University]. 2007. No. 1 (64). P. 30–35.

15. Trubetskoy E.N. Mirovaya bessmyslitsa i mirovoy smysl [World nonsense and world meaning]. *Smysl zhizni* [The meaning of life]. M.: 1994. P. 26–52.
16. Shpengler O. Chelovek i tekhnika [Man and technology]. *Kul'turologiya XX. Antologiya* [Cultural studies of the twentieth century. Anthology]. M.: Lawyer, 1995. P. 484.
17. Shopengauer A. *Mir kak volya i predstavlenie* [Peace as a will and representation]. M.: Nauka, 1993, Vol. 2. P. 397.
18. Fukidid. *Istoriya* [History]. M.: Nauka, 1981. P. 146–149.
19. Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoy destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. M.: AST-LTD, 1998. P. 263–269.
20. Shemyakinskiy V.M. *Filosofiya voyny* [Philosophy of war]. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka* [Pedagogical education and science]. 2011. No 9. P. 90–93.
21. Shtern M.S. *Filosofsko-aetropologicheskiy aspekt voyny v epose* [The philosophical-aetropological aspect of the war in the epic]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2012. No. 3. P. 325.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мамарасулов Андрей Равхатович, канд. филос.наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин
Тихоокеанский Государственный Медицинский Университет
пр. Острякова, 2, Владивосток, Приморский край, 690002,
Российская Федерация
mamix@bk.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Mamarasulov Andrey Ravhatovich, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Humanities
Pacific State Medical University
2, Ostryakova Ave., Vladivostok, Primorsky Krai, 690002, Russian Federation
mamix@bk.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/submissions.html>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
БУДУЩЕГО РОССИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Желтикова И.В. 14

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ВКУСА
В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Верховцева Ю.А. 37

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА
В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Власов Р.Г. 55

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА АНТИУТОПИИ НА ПРИМЕРЕ
РОМАНА В. ВОЙНОВИЧА «МОСКВА 2042»

Грекова В.В. 77

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ
АКТИВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЯ
ПРИНИМАЮЩЕГО СООБЩЕСТВА В ПРИГРАНИЧНЫХ
РЕГИОНАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ ВОСТОЧНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Мұратқызы Арман 97

РАЦИОНАЛЬНО ИММАНЕНТНЫЙ СМЫСЛ ВОЙНЫ

Мамарасулов А.Р. 110

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 132

CONTENTS

PHILOSOPHICAL STUDIES

FEATURES OF VISUAL REPRESENTATION OF THE FUTURE OF RUSSIA: METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY Zheltikova I.V.	14
ANTHROPOLOGICAL UNDERSTANDING OF TASTE IN THE LATE ANTIQUITY Verkhovtseva Y.A.	37
PROBLEMS OF SOCIAL SECURITY IN THE HISTORY OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT Vlasov R.G.	55
GENRE SPECIFICITY OF ANTI-UTOPIA ON THE EXAMPLE OF V. VOYNOVICH'S NOVEL "MOSCOW 2042" Grekoa V.V.	77
THE CHARACTERISTICS OF THE MANIFESTATION OF MIGRATION ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP OF THE HOST COMMUNITY IN BORDER REGIONS (BASED ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH OF EAST KAZAKHSTAN REGION) Muratkyzy Arman	97
RATIONALLY IMMANENT SENSE OF WAR Mamarasulov A.R.	110
RULES FOR AUTHORS	132

Подписано в печать 23.12.2019. Дата выхода в свет 23.12.2019. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 10. Тираж 5000 экз. Свободная цена. Заказ SISP116/019. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская». Адрес типографии: ул. Пресненский Вал, д. 27 стр. 24, г. Москва, 123557 Россия.